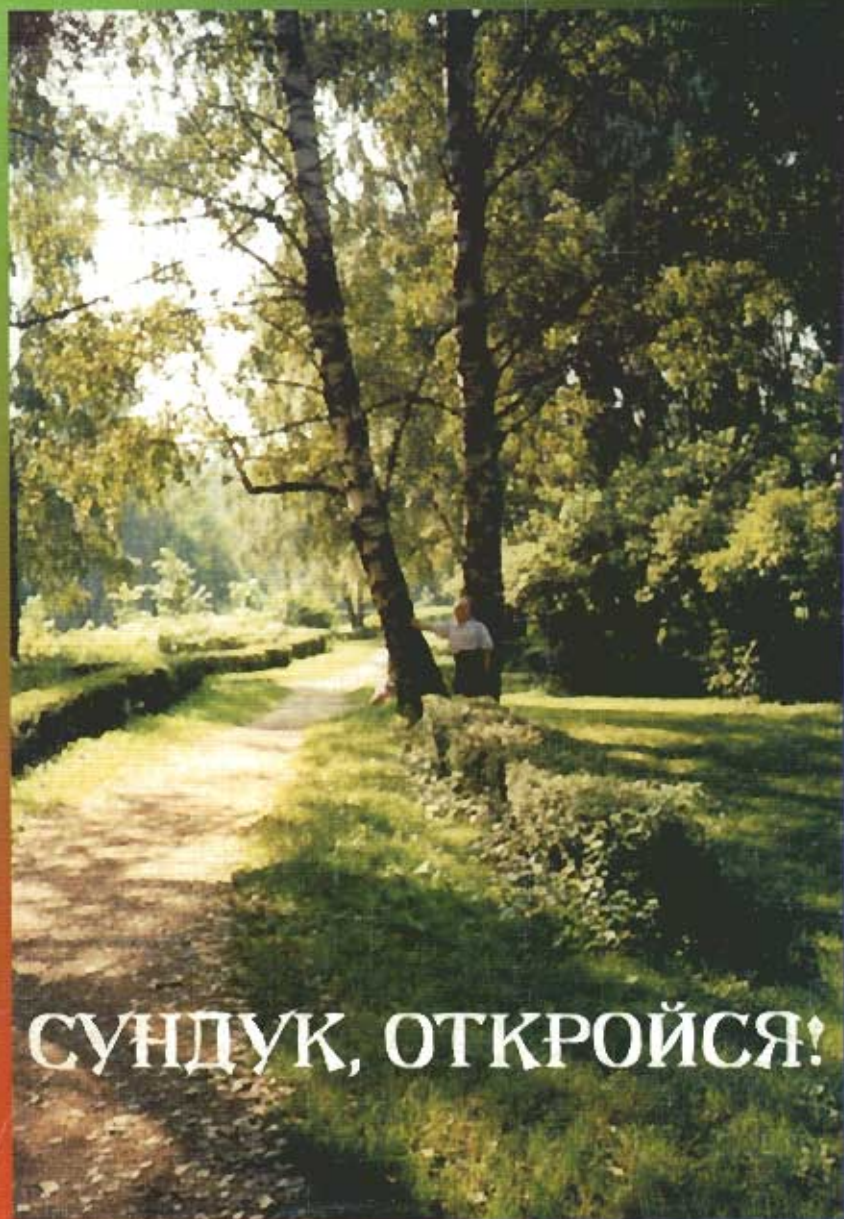

P2
B68

Валентина Волошина

СУНДУК, ОТКРОЙСЯ!

Здар вогор-
ской, детской
и землевки от автора

08.08.2008

и Анжеро-Судженск

[Handwritten signature]

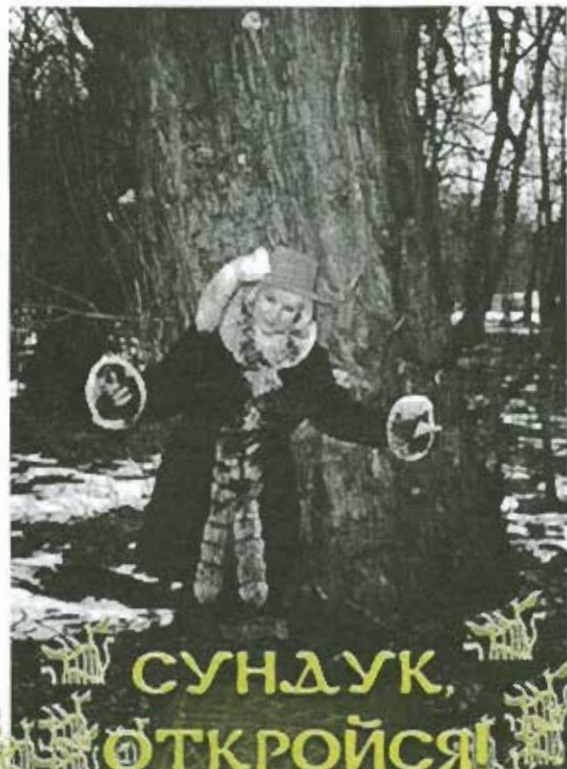
Каждая запись в формуляре Актрисы.

Любимые предметы в (школе):

Сведения об успеваемости:

P2
B68

ВАЛЕНТИНА ВОЛОШИНА

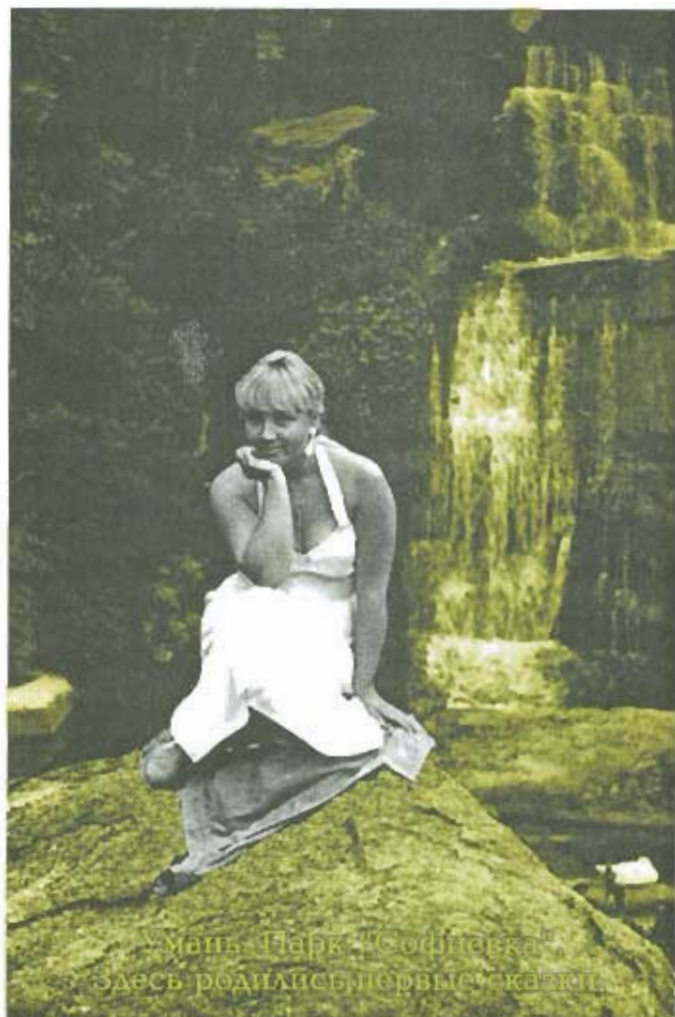

ш/к - 41817 ДБ

93543 -
ЭК

Детский отдел
ПБС

11

«мать» Парк «Сфингера»
здесь родились первые сказки...

Из письма: *Дорогие читатели! Спасибо вам за добрые письма. Вы воодушевили меня. И я написала еще несколько сказок, которые хочу вам подарить.*

ГДЕ ЖИВЕТ ДЕТСТВО

Мое детство живет в старенькой деревянной шкатулке. Я храню в ней свои воспоминания. Бабушкин поминальник, мой белый кружевной воротничок и два маленьких цветных стёклышка - синее и красное. В синем стёклышке спит солнышко, поэтому говори, пожалуйста, тише, тогда можно будет услышать, как оно дышит...

В красном стёклышке живет ветер. Он ужасный непоседа! Ой, ветер вырвался! Надо его поймать! Держи его! Поймала! Поймала! А теперь закрой глаза и внимательно послушай мамину песню. Там такие слова:

*Раз полоску Маша жала,
Золоты снопы вязала,
Молодая! Эх, молодая!*

Помнишь мамин голос? Знаешь, если немного напрячь силу воли, то он иногда всплывает в памяти. Если бы эту песню запела тысяча женщин, я все равно бы узнала тот единственный, неповторимый мамин голос. Такой ласковый, грудной. Он похож на слабую метель, на тенькашь синицы. Ее голос неосознано живет в моей шкатулке.

*А над Машей ночь темнела,
Толи наше бабье дело,
Доля злая. Эх, доля злая!*

В моей шкатулке никогда не было порядка. Все здесь перепутано, перемешано в хаотическом клубке детских видений, переживаний и ощущений. Это мои воспоминания. Только мои. И хотя мы с тобой прошли по одной дороге детства, с разницей всего лишь в один год, все-таки память кует разные отметины, рисунки, понятия, чувства... Стоит только закрыть глаза, и вот... начинается.

Река. По реке плывет лодка. В лодке - маленькие тихие существа, похожие на тонкие тени, покрытые прозрачно-серыми покрывалами. Это мои воспоминания. Они такие расплывчатые и смутные, как осенний дождь....

Вот одна из них тянет ко мне свои тонкие, слабые руки и спрашивает: «Ты меня помнишь? Ты узнаешь меня?»

Вслед за ней потянулись другие тени. Они пытаются дотронуться до моего платья. Под серой облачной вуалью открываются их глаза.

- А меня помнишь? Не забыла?

Они окружают меня со всех сторон, берут меня под руки и ведут в свою лодку. Усаживают рядом, нежно заглядывают мне в лицо, обдувают цветочным ароматом своего дыхания и по очереди спрашивают: «Ты меня не забыла? Ты меня помнишь?»

Я закрываю глаза. Тонкая пронзительная нота рассекает Вселенную. И вдруг совершенно явственно вижу затерянный в сибирской глубинке длинный шахтерский барак, утонувший в февральских бурях маленького городка Анжеро-Судженска.

УТРО

Мама склонилась над швейной машинкой. Быстро-быстро вертит блестящую ручку. Стежки ложатся ровно и прочно. Она шьет нам с сестренкой летние белые панамы с широкими полями.

- Валюха, иди, примерь, - говорит она мне и весело напяливает панаму на меня. Поля панамы закрыли мне и глаза, и нос, и даже подбородок.

- О, велика немного! Сейчас я ее переделаю.

- А я побегу на луг! Меня ждет Галя Крестинина. Мы будем в свайку играть!

Я рванулась к двери, но мама ловко удержала меня за край платья.

- Сиди рядышком и жди, юла! Успеешь поиграть в свою свайку...

И мама снова принялась за шитье. Ждать я не любила. Я всегда испытывала такое разочарование, такое утомление от ожидания, что у меня от бездействия начинало чесаться во всех частях тела и щекотать в носу. От нетерпения я широко болтала ногами и просто с ненавистью смотрела на швейную машинку.

- Мам, ну зачем мне эта панама? - канючила я.

- Панама от жары, чтобы не напекло голову, - объясняет мне мама.

- А если напечет сильно, сильно, сильно! Что будет?

Мама остановила машинку, посмотрела на меня васильковыми глазами, улыбнулась и тоненьким голосом пропела: «Голова сгорит, как бумага в печи» Она щелкнула меня по носу и запела песню:

*Расцвела под окошком белоснежная вишня,
Из-за тучки далекой показалась луна...*

Когда мама поет, я забываю про все на свете, но слова «голова сгорит, как бумага в печи» сильно беспокоят меня.

- Мам, а мам! А как же я без головы обед съем? - интересуюсь я.

- А Таньке отдашь.

- Таньке не отдам! Она вчера укусила меня за ухо. Мама засмеялась и хитро посмотрела мне в глаза.

- Тогда отдашь мне. Да, Валь?

Для матери мне было вовсе не жаль отдать и щи, и котлеты, и даже компот.

Я кивнула головой и заплакала. Мне вдруг стало жалко себя, мои темные глаза, курносый нос, светлые волосы. Слезы полились рекой и закапали на мой цветной сарафанчик. Мама обернулась, удивленная такой внезапной переменой, и расхохоталась.

- Валь, чего тебе больше жаль? Головы или обеда?

- Обе-е-да-а! - простонала я. Сегодня пироги с капустой... а ... а...

- Кто тут ревет? - спросила наша соседка тетя Люся, входя в открытую дверь. Тетя Люся жила напротив нашего дома с родителями и маленькой дочкой. Она работала воспитателем в детском саду и любила всех воспитывать. Она была веселой и очень красивой. С мамой они были подругами.

- Валенька! Не плачь, а то состаришься, будешь старая, вся в морщинах, как бабушка...

- В морщинах? А как это? - поинтересовалась я.

- Сейчас я тебе покажу, - деловито произнесла тетя Люся и взяла карандаш.

Она что-то нарисовала на моем лице, потом ловко завязала мне платок точь-в-точь, как у моей бабушки Лизаветы и подвела меня к зеркалу. Я посмотрела. И впрямь старушка! Насупленная, морщинистая, глядит исподлобья, губы опущены. Неужели это я? Такая старая? Посмотрела и рассмеялась.

Потом я умылась и, схватив уже готовую панаму, побежала на луг играть в свайку, плести косы огромным кочкам с длинной травой и соединять ножки одуванчиков в длинную цепь.

Стояло чудесное утро. Вовсю пели птицы. Буйно цвела наша старая яблоня. И наш ветхий, маленький домик утонул в белом облаке цветочного яблоньего дыма. Под яблоней сидел дед

Иван и любовался нежными цветами. Из растворенного окна доносилась знакомая песня. Это пели тетя Люся и мама:

*Расцвела под окошком
Белоснежная вишня.*

На луг высыпали соседские куры, деловито расхаживал молодой петух, весело стрекотали кузнечики, и целая стайка белых бабочек летала вокруг нас.

Галька давно уже ждала меня и держала в руках огромный гвоздь. Вчера мы видели, как старшие дети играли в свайку, и решили научиться тоже.

- Вот видишь, - объясняет Галька, - этот гвоздь должен попасть в круг. Вот так! И она пробует снова и снова попасть большим гвоздем в середину круга.

- А у меня новая панاما, видишь, - хвастаюсь я, - совсем новая!

- Давай мнитья, - предлагает Галька, - снимая с себя маленькую старую шапчонку.

- Давай, - обрадовалась я, - а то мне ничего не видно из-за нее.

- А ты мне за это бутерброд с маслом принесешь?

- Угу... А ты мне за это дашь свой гвоздь в свайку поиграть?

- Ладно!

Я несусь домой за бутербродом, затем мы меняемся панамками, и я, получив ненадолго большой гвоздь, играю в свайку. Мы обе счастливы! А впереди длинный-длинный день золотого детства!

БАРЫНИ В "КАРЕТЕ "

Однажды, проснувшись засветло, я с интересом наблюдала за моим отцом, который достал из маленькой кладовочки всякую ветошь - ватные одеяла, старые подушки, пальто и ненужные доски. Отец снял с гвоздя большую ванну и начал сооружать некое подобие утепленного гнезда.

- Пап, а пап! Что ты там делаешь? - спрашиваю я, громко и с наслаждением зевая. Отец посмотрел в мою сторону. Его красивые глаза, очерченные угольно пылью, хитро улыбались.

- Да вот, пытаюсь сделать карету, - подмигнул отец и, приложив палец к губам, показал на спящую Таньку. - Тише, сестренку разбудишь.

- А карета настоящая?

- А то...

- Пап, а пап, а для кого карета?

- Для двух маленьких принцесс... Вот посажу вас в нее, и поедем в гости к бабушке. Отец закурил папиросу и выпустил дымные колечки.

- На автобусе лучше, - говорю я, наблюдая за кольцами дыма.

- Отдыхают сегодня все автобусы. Праздник! А на улице мороз до самых пят пробирает! Ну, вот и карета готова, - говорит отец и ловко привязывает ванну к самодельным салазкам.

- Танька, - шепчу я сестренке в ухо, - вставай, сегодня праздник!

- Ну и сто, - шепелявит Танька, открыв свои большие темные глаза.

- А то... жаворонков хочешь?

- Хосю...

- Вот и я хочу, - говорю я, живо представляя себе теплые вкусные булочки, очень похожие на птичек. В комнате темно. Окна в белом инее. Тусклая лампочка слабо освещает наше бедное жилище, состоящее из двух железных кроватей, двух венских стульев, шкафчика для посуды и стола, над которым висит мясорубка и портрет Сталина в красной рамочке.

Мама уже затопила печку. Трещат дрова. Мама улыбается нам. Какая она сегодня нарядная! Ее платье все в цветочках и поэтому кажется мне лужайкой.

Папка важно точит лезвие бритвы о свой военный ремень и, намывив лицо пеной у рукомыльника, не спеша, бреется. Потом по всей комнате разносится сладковатый запах тройного одеколна.

Мы с Танькой дружно чихаем и заливаемся смехом. Наконец, в комнате становится тепло, и нам разрешают встать и одеться.

– Мы поедем в гости, – ору я, подпрыгивая на пружинистой кровати.

– Мы по-е-ем в го-ти, – повторяет за мной Танька.

На улице настоящий сибирский мороз под сорок градусов! Мы надеваем шерстяные чулочки, кофтенки, платки, носки, валенки, меховые шапки, широкие шаровары, варежки, шубки, а сверху огромные пуховые шали.

И вот уже мы, как две кукши, смешные и неповоротливые, готовы вот-вот зареветь от неудобства и нетерпения, но нас хватают и выносят на мороз! Усаживают друг против друга в самодельную карету, накидывают сверху еще и одеяло, и мы оказываемся изолированными от всего мира.

– Эй, принцессы-барышни на вате, – слышим голос отца, – сидите тихо и не вставайте!

Вот заскрипели полозья. Трунь-трунь-трунь! И понеслись, поехали, полетели, аж дух захватывает! Мамины валенки семенят сзади, и под ними хрустит снег. Хрум-хрум!

– Митька, не гони, – беспокоится мать, – неровен час, уронишь девок-то!

Ее голос все дальше, все глуше.

– Митька! Че-е-ерт! Пожди-и-и-и!

Забыв предостережение отца, я высовываю голову из "кареты". Мороз обдает холодом и щиплет в носу. Вокруг большие снежные сугробы, промёрзлые ветхие заборы и неказистые бревенчатые избушки. Из труб вьётся ровный белый дымок. В голубом небе уже гаснут последние звезды и поют провода. Ни людей. Ни собак. Ни птиц. Все спряталось от мороза, и только мы одни нарушаем это морозное царство.

Вижу маму, бегущую за нами. Вижу под полозьями салазок сплошное бело-голубоватое месиво. Да, как же интересно! Снег, будто молоко, льется из кринки. Снежинки струятся, извиваются, меняя свои очертания, цвет и скорость! Я наклоняюсь вперед, чтобы получше разглядеть это чудесное снежное молоко, но слышу грубый окрик отца:

– А ну, ховайся! А не то получишь по попе!

Получить шлепок от твердой шахтерской руки не хочется. Я, пытаюсь вернуться на прежнее место, как-то неуклюже задела все постройки "кареты". Край ванны оголился. Нога соскользнула, и я неожиданно отпрянула назад. Но тут дернулись салазки, и я невольно прижалась губами к краю ванны. А ванна-то железная! Я хотела поднять голову, но не тут-то было! Я прилипла... Мелко-мелко зашипало во рту. В мгновение ока сковало и язык... Я безнадежно застонала и могла лишь махать рукой, чтобы заметил отец.

Но папка бежал рысью, не оглядываясь, и изо рта у него шел пар, точно у лошади. Не знаю, сколько прошло времени, но оно мне показалось вечностью. Наконец, отец заметил что-то неладное. Он остановился. Большие серые валенки замерли передо мной:

– Мать твою! – ругнулся он, глядя на меня.

Тут подбежала мама – запричитала, заохала, всплеснула руками.

Родители пробовали дышать между мной и краем ванны, стучать по ней, пытались платком отдрнуть прилипший, как будто навечно, мой несчастный язык!

Я ничего не понимаю, что за возня вокруг меня. Закрываю глаза и жду. Вдруг острая боль резанула аж до самого сердца! Я дико кричу, сплевываю кровь на снег, задыхаюсь в кашле. От слез неприятно щиплет щеки, и я реву на всю округу!

– Потерпи, милая, потерпи, – успокаивает меня мама, – скоро приедем!

И пока мы ехали напрямки через овраг, через узкие постройки шахтовых ограждений, по пустырю вдоль террикона к длинным баракам, где жила бабушка, мама выговаривала отцу:

– Эх, Митька! Хохол ты упрямый! Тебе, что в лоб, что по лбу! Я ж тебе кричала: «подожди», а ты? Бегом, бегом, не по-

спеешь за тобой! За Валькой глаз да глаз! А теперь пропал языкто! Шепелявой, поди, будет...

Отец выслушал эту тираду, повторяя одну и ту же фразу:

– Кто же знал... Кто же знал... Кабы знать... где упасть...

Я ожидала сочувствия у моей сестрёнки, но она спала, ничего не подозревая о моих приключениях. В сердцах я цинаю ее ногой по валенкам и спрашиваю:

– Посмотри, есть там язык или нет? – и широко раскрываю рот. Танька долго смотрит мне в рот, присматривается, потом как отрезет:

– Вайка, маенько остайся.

Я только собралась вновь дать рёву, но тут “карету” остановили. Нас повели в теплую избу, и мы попали в объятия ласковой бабы Ульяны и деда Андрея.

Он весело приплясывает:

– Эх, барыни - сударыни! Вишь ты, карета какая! Барыни!

– А мы не ба-ы-ни, мы пин-се-сы! – противно шепелявит Танька.

Все почему-то радостно смеются, а бабка целует нас в белые макушки, растирает наши ручонки гусиным жиром, одежды летят на широкую лавку у печи.

– Смотри-ка, ровно два кочана капусты, – шутит дед, – сто одежек, все без застёжек, – приговаривает он.

– Ох, капуста моя во саду, в огороде, – пробует дед петь частушку, но ему мешают смех.

– А ты, бабай, не смейся, – серьезно говорит бабушка и вкладывает в наши ладошки свежие булочки, похожие на птиц.

– Вот вам жаворонки! Ешьте, внученьки, не жалко, дай-то бог!

Большой рыжий пряник лежит у меня на ладони, и от него тоненькой струйкой исходит сладко-дразнящий ароматный запах.

Я с завистью смотрю, как Танька уплетает булки за обе щеки, от удовольствия покачивая головой.

Я же есть не могу, потому что нет языка. Да и мама сказала, что языка нет! Я прячу пряники в карманчик своего коричневого платья и крепко засыпаю на лавке у печи.

В полудрёме я слышу голоса своих родных. Сквозь сон вижу, как на стол расстилают домотканую белую скатерть с зелёной полосой и ставят большую сковороду с шипящим салом, вареную картошку, яйца, пельмени, пироги с мясом, а в большом графине желтеет домашнее вино.

– Вайка, а Вайка! – говорит Танька, – а пьядва, сто язык отой-вайся. Масньоко зе есть? Покази, – просит она. – Сто, нету, а у меня? – и Танька показывает мне свой розовый язык...

Глаза мои слипаются... И Танька, и печка, и стол с желтым вином исчезают, и я словно проваливаюсь куда-то, где хорошо и спокойно. И снится мне жаркое лето... Я стою на гороховой грядке, срываю сладкий стручок гороха, и он превращается в рыжий вкусный жаворонок.

СУНДУК, ОТКРОЙСЯ!

У наших соседей по улице, где жила красивая веселая тетя со своей маленькой дочкой и родителями, в уютной чистенькой кухне у самой стены стоял зеленый сундук. Сундук, как сундук. Деревянный, с железными прутьями ромбиком, на котором висел большой амбарный замок. Я никогда не видела, чтобы его открывали, и мне очень хотелось узнать, а что в нем? У моей бабы Ули в сундуке хранились продукты: варенье, сало, водка, мука и сахар. А сундук соседей всегда был на замке.

Я частенько забегала к ним, и они усаживали меня на этот самый сундук, угощали кусковым сахаром, и пока я высасывала и мусолила его, все мои мысли были о сундуке.

- Какой хороший сундук! - я всегда начинала так, - а что вы там прячете?

- Ничего, - отвечали мне.

- Тогда зачем замок висит? Большой замок. Что там? - не унималась я.

- Там лежит ружье, - это сказал хозяин Никанор, дядя Ника.

- Когда наступит осень, пойдешь со мной на охоту, зайчиков стрелять?

Сердце мое странно заклокало от страха и жалости к зайчикам. Чтобы не выдать своего страха, я опустила глаза и молчала. Сахар выпал из рук на полосатые домотканые половицы и стал серым.

- Не пугай ребенка, папа. Видишь, она поверила тебе и испугалась. - Красивая тетя подняла замусоленный кусок сахара, подержала его под рукойником и снова отдала мне. Ее светлые, волнистые волосы нежно коснулись моего лица.

- Знаешь, - сказала она мне, - никакого ружья там нет. Деда Ника пошутил.

- А что же там? - прошептала я, широко раскрыв глаза.

- А никому не скажешь?

- Только Таньке (Танька была мне родной сестрой).

- Таньке можно, - засмеялась тетя.

- И еще Гальке, - немного подумав, добавила я. (Галька была моей закадычной подругой).

- Тогда слушай. Там живут... - тетя заговорила шепотом.

- Кто? - так же шепотом спросила я.

- Там живут сказки!

- Сказки?! - воскликнула я, и мое сердце радостно забилося от предвкушения маленького чуда. - А какие сказки?

- Разные сказки. Русские, индийские, грузинские, - начала перечислять она.

- И сказка про сумку есть? - поинтересовалась я, вспомнив единственную сказку, которую отец рассказывал нам с Танькой перед сном, - Скажут ей: «Сумка, откройся!» - и она сама открывалась и оттуда...

- Вот, всегда я ее ищу, - раздался голос мамы, - Вы уж нас извините, - мама протянула ко мне руку.

- Пойдем, Валюшка!

Я соскочила с сундука. Уходя, оглянулась. Мне показалось, что сундук живой, что он зашевелился, словно что-то хотел мне поведать.

- Сундук, откройся, - весело крикнула я. Все рассмеялись. Тетя Люся пошла нас провожать.

- Чего это Валюшка разошлась?

- А это наша маленькая тайна, - серьезно сказала тетя, - правда, Валь?

Я кивнула головой. И всю ночь не спала и думала о сундуке.

КАК ЗАЯЦ ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛ

Для самых маленьких детей

Жил в темном лесу старенький заяц. А старость, как говорится, не радость.

*Хвостик стал его хиреть,
Нрав веселый стал смирнеть,
Шерстка стала пропадать,
Лапки стали уставать,
Раз - прыжочек, два прыжка,
Стал похож на старика...*

А наемдни старый заяц решил своих внучат проведать, детей навестить, да немного погостить.

Испек он вкусный морковный пирог, да капустную карамель приготовил, положил гостинцы в мешок, да и за порог! А в эту пору январский холод до нитки пробирал, мороз так и кусал, окаянный! Аккурат крещенские морозы наступили. Шел заяц, шел, да и устал, присядет, отдохнет, да снова пойдет... А тут и ночь приспела! Темная - пре-темная!

Не видно тропинки. Что делать? Куда деваться?

Спрятался он под елкой, зарылся в снег, ждет заяц рас-света: «Лишь бы лиса меня не съела», – думает заяц.

А ночь морозная! Старый заяц и простудился. Кашлять стал.

– Кхе! Кхе!

А лиса тут как тут!

– Кто это там под елкой кашляет, а?

– Это я, - отвечает заяц, дрожа всем телом.

– Кто это, я? - передразнила его лиса, - а какого ты роду-племени?

«Что же мне ответить? - думает заяц, - ежели правду скажу, так она меня сразу и съест! А ежели умолчу да уши спрячу, и не буду дрожать, может, обойдется?

И решил заяц обхитрить лису.

– Угадаешь, кто я, за это я тебе дам капустную...

Лиса так и подпрыгнула.

– Капустную, ты сказал? Уж не заяц ли ты, а?

– Я сказал вкусную курочку, – нашелся старичок.

– Курочку, - затрепетала лиса, - ну, хорошо, постараюсь угадать кто ты. Только скажи, какие у тебя уши и хвост?

– У меня, - говорит заяц, - хвост длинный - длинный. А ушей вовсе нет, шерсть у меня колючая! Зубы острые, из носа бивни торчат! У меня, - врет заяц, – четыре глаза и десять лап! Ростом я со слона! Умею плавать и летать!

– Не знаю я таких зверей, – изумилась лиса. Потом принюхалась, – зайцем от тебя пахнет?!

“Что ответить ей?” – испугался заяц.

– А я... я... зайцем недавно поужинал, – нашелся он. А сам от страха весь трясется, да кашляет.

– Да откуда ты взялся? Из каких лесов?

– Я из этих... из джунглей! Путешествую на старости лет. Понравилось мне у вас. Особенно зайцы очень вкусные. Я теперь только ими питаться буду! Ясно тебе?

– Ясненько, – озадачилась лиса.

– Ну, а ты чем питаешься? – спросил заяц, - зайцами?

– Что ты? Что ты? Я их вовсе не люблю!

– Так чем же ты питаешься?

– Я? – испугалась лиса. – Ем травку, веточки жую, шишечки всякие, кору, жучков, комаров, тараканчиков, - врет лиса, а сама пятится от испуга.

Тут заяц видит, что лису испугал, так совсем расхрабрился!

- Я, - кричит он, - еще лисятинки не пробовал?! Как рассветет, пойду ее искать!

Тут лиса и вовсе струхнула! Хвост поджала, да и деру дала! Только ее и видели! Сказывают, что и вовсе в другие леса убежала.

Пришло утро. Заяц отыскал свою тропинку и напрямик через лесок к своим внучатам поскакал. Бежит, да над лисой посмеивается. Ловко же он ее перехитрил!

- 93543 -

КРАСАВИЦА

Эту сказку я посвящаю самой некрасивой женщине в мире, Грейс Магдану. Живет она в Испании, вот уже много лет подряд является победительницей конкурса "Мисс Некрасивая женщина". Несмотря на это, она остается очень веселой, общительной, у нее много поклонников.

Жил - был князь. Ох, весело жил! У него каждую

неделю то бал, то карнавал, то веселье, то похмелье, да все шутки и прибаутки. Ох, и чудака был!

- Желаю, - говорит, - каждый день новое имя иметь. Слушайте и запоминайте! Мартыном я хочу быть по понедельникам, когда указ подписываю. А вот по вторникам называйте меня Федулом. В среду желаю быть Саввой, в четверг Трофимом, а уж, коли пятница подоспела, можно меня называть моим личным именем, Василием, значит. В субботу повелеваю величать меня Кузьмой, а вот в воскресенье вообще никакого имени мне не надобно - отдыхать буду!

А ежели кто забудет, как меня звать-всличать, велю того в шутовской кафтан рядить с колокольчиками, да и на корову посадить верхом и потешаться над ним, да так, чтобы все хохотали, гоготали, пока животы не заболят...

А намерни вот еще что удумал:

- Желаю со всей округи молоденьких девиц собрать. Пусть они самые страшные маски сделают, на себя наденут. И у кого страшней всего, на той мастерице я, - говорит, - женюсь! Маски можно делать из глины, бумаги, из полотна, из кожи и соломы.

На том и порешили, за то вино пили, по рукам били, да княжеской печатью крепили, всех оповестили.

Только до деревни Хрюкино эта молва не дошла по неизвестной причине. А жил там один кузнец Осип. Было у него пять дочерей. Все красавицы, а вот старшая Платонида, как первый блин на сковородке: худа, кривобока, неказиста. Коса тонюсенька, сама малюсенька, но хуже всего был ее толстый, некрасивый нос во все лицо... Ну, до того пехороша, что ни в какой сказке больше и не расскажешь, никаким пером не опишешь... А вот характер у нее был золотой, да и мастерица, каких свет не видывал.

Ее сестры в хоровод, а она в кузницу отцу помогать. Ее подружки уже приданое приготовили себе, уже сватов ждут, а Платонида тоже, да только не себе, а сестрам. И так чудесно, бывало, вышивала на полотенце цветочки - огонечки, что они сами по себе горели и в разные стороны раскачивались от ветерка. Вот какая мастерица! За что ни возьмется - все у нее ладно да ловко. Одно плохо - замуж ее никто не брал. Замучился кузнец ей женихов подыскивать. Приедут, поглядят, вздрогнут, да и руками разведут... Кому ж охота некрасивую жену брать? Горько плакала Платонида, да сестёр своих жалела, потому, как обычай был такой: пока старшая сестра замуж не выйдет, то и ее сестры о замужестве даже и мечтать не могли.

Тогда отец уговорил одного захудалого, никудышного мужика на дочери жениться. Посулил ему серебряные ложки. Вот он и согласился. Да и тот, хоть и упреждали его, что невеста некрасива, а только, как увидел ее, да со страху в лес убежал, да еще и в болото угодил, тонуть стал. А Платонида за ним всю дорогу бежала, уговаривала. Ни в какую! Лучше, - говорит, - в болоте сгину, а не жёнюсь на такой... Только когда по грудь увяз, тут опомнился.

- Спаси, Платонидушка! Ради Христа!

- Держись за мою косу, - кричит Платонида.

Тот ухватился, а коса, будь она неладна, возьми и оторвись! Уже одна голова из болота торчит! Тогда смекнула Платонида. Ноги к дереву привязала, повисла над утопающим, да и вытащила его за волосы. А тут вся родня подросла, стали новые подарки сулить, а сестры в голос плачут.

- Миленький, женись на Платониде! Век не забудем!

- Ладно, - говорит, - дайте еще мне борова, да бочку медовухи, - и согласился.

Тотчас нарядились, да и в церковь скорей - венчаться. И уж до церкви досхали, да вдруг видят, дом горит!

Мужичок вдруг схватил ведро с водой и прямиком в горящую избу. За печь схоронился, дурак. Решил схитрить: «Отсижусь тут, чтоб и ложки сохранить, и вино, и борова. И не жениться. Пусть думают, что сгорел», - смеется мужик.

Дыму надышался, потерял сознание, чуть не сгорел! Но Платонида и здесь спасла его. Не побоялась огня да пламени, вбежала в избу и за печь глянула. Мужичонка горит уж! Сбила с него огонь, на двор вытащила, в чувство привела.

Мужик глаза-то открыл, да как увидел ее закопченный большой нос, да включенные обожженные волосенки, так со страху взлетел на колоколенку, а как - и сам не знает!

А на той колокольне звонарь-старик жил. Ежели пожар или враги, то непременно нужно в колокола звонить. Звонарь увидел жениха, упал перед ним на колени.

- Вот божий человек с неба упал, замена мне. Теперь твоя очередь служить Богу, а я помереть хочу... стар я...

- Постой, старик, я сюда случайно попал и ухожу, прощай...

- Отсюда невозможно уйти, - бормочет старик, - замурованы мы, с мирскими не общаемся, божий человек.

- А я сегодня женюсь, у меня свадьба! Ложки серебряные, боров, бочка медовухи, - испугался мужик.

- Не положено звонарю жениться. Бог запрещает...

- А чем же я питаться буду, коли замурован?

- Птицу поймаешь, дождь в ладони соберешь...

- Ну, нет! Я лучше на Платониде женюсь... хоть и некрасива, а всё ж с ней лучше, чем здесь! Родненькая Платонидушка-а-а! Спаси меня-я-я!

Платонида прыгала, прыгала, народ собрала, всех насмешила только. Потом смекнула, князю в ноги броситься, во дворец побежала.

А у князя в это самое время аккуратно состязание масок началось. Девушки страшные маски надели, вокруг князя бегают, пугают его, а ему хоть бы что. «Не страшная маска! И эта не страшная! И эта... Плохие вы мастерицы, - говорит, - ничего страшного сделать не можете» Всех прогнал, сидит один.

Но когда Платонида со своим закопченным носом, да включенными волосенками вбежала в хоромы и страшным голосом закричала: «Разбери, князь колокольню, вызволи оттуда моего жениха!»

Вот тут князь так перепугался, что дар речи потерял, даже слуги переполошились - уж не война ли? А когда убедились, что никакой войны нет, то все уже поняли, что свадьбы не миновать!

- Князь! По вашему приказу, - говорят, - ежели вы, какой маски испужаетесь, то свадьба, значит, намечается с этой девицей. Так что уговор дороже денег.

Князь заворчал, затужил, да делать нечего. Обещание свое выполнять надо.

Такой веселой свадьбы никто не помнит. А отец-кузнец долго в это поверить не мог. То никого, а тут такое... странное дело... ой, не подвох ли? Только когда из церкви

молодые вышли, тогда немного успокоился, но, зная насмешливость князя, держал ухо востро!

Сестры-то рады, ведь им теперь дорога открыта. Слуги веселятся, надеются, что князь после женитьбы образумится. Платонида понять ничего не может, а спрашивать боится.

А отец попросил даже князя на иконе побожиться, тогда и успокоился. Один князь грустит...

И тут на свадьбу колдун пришел и спрашивает князя:

- Разве ты не видишь, князюшка, какой нос у твоей жены? И что косы у нее нет? И что кривобока, росточку с козлявку?

Все на князя смотрят. Что ответит?

- На то моя воля... Кто маску страшную смастерит, та и жена моя. Так что это только маска...

- Нет, князь, это не маска, это мое настоящее лицо, - говорит Платонида, - так что прав этот колдун... Села и руками лицо от стыда закрыла. - Я про эту потешку только потом поняла, а до нашей деревни эта весть не дошла..., а мой жених сидит на колокольне... За него я просила.

- Платонида, вот и я говорю, что поторопились меня женить. Прошу свадьбу считать недействительной!

Зарыдали сестры, схватился отец за головушку.

- А я вот что хочу сказать, - молвил князь, - Платонида вовсе не страшная. Она даже хорошенькая... Да что там хорошенькая, она просто красавица! И князь так расхохотался, что упал наземь, ногами дрыгает.

- Какой позор! - шепчет отец, - вот горе-то...

Встала Платонида, голову опустила, слезы рекой текут. Не за себя, а за сестер своих. И вдруг все увидели, что ее огромный нос исчез!

Что она действительно стала красавицей, да такой, что князь второй раз потерял дар речи, смотрит, не насмотрится! Гости, сестры, отец, слуги рты поразинули!

Тут колдун рассказал всем, что однажды обиделся он на кузнеца, за то, что тот плохо подковал его коня и заколдовал первую дочь. И пока ей не скажут, что она красавица - будет пребывать в неведении, да носить свою маску до той поры.

Глянула Платонида в зеркальце - и впрямь красавица!

- Ах, князь, что же вы молчите?

- Продолжайте веселье, - крикнул князь, - с такой красавицей, хоть на край света! Ведь ты, говорят, все умеешь делать, покажи, - просит князь.

- Айда в кузницу, князюшка, я чего хочешь, скую. Пошли в кузницу. Платонида за одно мгновение сковала два серебряных кольца, да еще жуткую маску к ногам бросила.

- Это, чтобы по праву твоей женой быть, - молвила она.

А потом и саблю сковала и всех лошадей княжеских подковала, даже колдун удивился.

Ходит молва: «Ай да невеста у князя!»

А князь забавы все свои забросил, с женой милуется. А чтобы Платонида не скучала по деревне Хрюкино, да по отцу своему, велел всем в хоромы жить. А того мужика, что на колокольне жил, пощадили и вызволили из заточения, наградили и домой отправили.

Мужик на Платониду смотрит, поверить не может... А Платонида смеется.

- Вот худой мужик да безродный, а вот не хотел даже глядеть на меня. А князь красавицей назвал, женой своей. И все, что со мной случилось, это благодаря тебе, мужичок. Спасибо, что ты от меня на колокольню влез...

- Красавица, - шепчет мужик, - какую красавицу потерял? Ну и глуп же я!

ЛЕГЕНДЫ О РЕКАХ

ДВЕ СЕСТРЫ

Посвящая дочери Элине

Жили когда-то у

города безымянного две сестры - Анжерка и Судженка. Анжерка веселая да разговорчивая, а Судженка спокойная да молчаливая. Выросли сестры, стали взрослыми и красивыми; косы до пят, румянец яркий, зубы белые, а глаза зеленые.

Жили они в тасжном тереме. Зимой сидели дома, пряли пряжу пеструю из трав да цветов. А летом, когда таял снег, девушки и парни

затевали хороводы, игры...

Однажды на празднике увидели они парня пригожего, который так чудесно играл на дудочке, что сестры влюбились в него без памяти и открылись ему в любви своей. Но юноша насмешником был и решил подшутить над ними:

- Женюсь я на тебе, - сказал он Анжерке, - но при одном условии: ты должна перемениться и не быть такой болтуней!

Судженке сказал так:

- Взял бы я тебя в жены, не будь ты такой грустной да молчаливой...

Задумались сестры. И вот получилось: веселая Анжерка вдруг, как в рот воды набрала, молчит, да и только, а мол-

чаливая Судженка стала такой разговорчивой - не остановить.

Но юноша коварный и не собирался свое обещание выполнять - веселился с другими девушками, а на сестер и не смотрел. Поняли они все и горько-горько плакать стали. И столько слез было, что превратились они в две реки. А вода в тех реках вся от горя черная да от боли горячая. И обрушился вдруг на тайгу дождь проливной, перестало солнце светить. Народ волнуется: что да как, почему да зачем? И кто в этом виноват? Пока спорили да виновных искали, город безымянный совсем погрузился во тьму беспросветную...

А в тайге в ту пору жил дел-волшебник. Знал он, как помочь людям.

- Если не будет любви, горе победит и погибнет город, - сказал он. Сказал и по всей тайге, по лугам да болотам, разбросал жаркие, как огонь, цветочки-огонечки.

*Гори цветочек-огонек,
Душу грей и кровь,
В черством сердце разбуди
Нежную любовь.*

Стали люди собирать огоньки. И цветы те чудные своей силой волшебной приносили людям свет и тепло в дома. А два огонька отдал волшебник парню-насмешнику и сказал:

- Не захотел ты выбрать одну из сестер - обидел их, зло посмеялся над любовью девичьей. Так люби же их обеих так же сильно, как они тебя.

И случилась чудо: вспыхнуло сердце парня любовью, запылало, как цветок-огонек. И стал он искать сестер. Показали люди на речки: вот, что с девушками случилось. Закручинился парень, затосковал от горя, превратился в камень черный, загорелся костром. Стало в городе тепло и

светло. И высохли слезные реки. Вышли из них девушки на берег целые и невредимые. А камень тот' раскололся падвое - две горы получилось. Пришел волшебник и сказал:

- Никогда не иссякнет в нем огонь любви.

Так и стоят эти черные горы: одна - Анжерская, другая - Судженская. Под ними много камня горячего схоронено - углем его люди прозвали; а город безымянный имя звучное получил - Анжеро-Судженск.

А что сестры? Они бросали к подножию гор цветы-огоньки.

- Как я его любила, - вздыхала одна.

- Нет, это я его любила больше жизни, - спорила другая, - Жаль, что нас он не любил.

Услышал это волшебник, так сказал:

- Идите к речке Золотой Китат. Ей ваш любимый поведал о своей любви к вам. В ней слова признания схоронил. Идите и услышите...

Послушали сестры бурную речь, страстный всплеск восторга, живую музыку чарующих слов, которые шептали им речные волны. И вновь заспорили влюбленные девушки:

- Я его милая, слышишь? Он мое имя произносит, - говорила Анжерка.

- Нет, он мое имя шепчет, - возражала ее сестра, - Я его любимая!

-Я! Я! Я! Я!

Спорили, пока опять не расплакались. И от тех слез родилась еще одна речка - Яя.

Вот она то и рассказала мне эту сказку...

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР

Жила на свете одна женщина. Звали ее Обь. Были у нее две дочери-близнецы. Бия и Катунь. В маленьком уютном домике с большим садом пели райские птицы, и маленькая Бия научилась подражать птичьим голосам, к тому же она так чудесно пела, что можно было заслушаться! Катунь тоже обладала чудесным даром. Она могла видеть вещие сны, как свои, так и чужие.

Обь научила своих детей всем женским премудростям: ткать, прясть, готовить вкусные лепешки и лавашы, плов, чай с волшебными травами. И все у них было хорошо да ладно. Одно плохо... Отец девочек Иртыш томился уже который год в плену у северного князя Мансийского.

Горевала Обь, тосковала о нем, все-то думала, как его из плена

вызволить. Изболелась душа, угасли ее лукавинки глаз. Однажды она спала на открытой веранде, и приснился ей Иртыш. Был он весь в кандалах, в синяках и ранах. В это время подошли к веранде ее дети.

- Тише, - прошептала Катунь, - нашей маме снится вещий сон. Надо его досмотреть...

Опа неотрывно смотрела на мать, чтобы ничего не пропустить...

Когда Обь проснулась, Катунь бросилась к ней.

- Мама, нам нужно спасти нашего отца! Немедленно надо собираться в дорогу, взять теплые вещи, продукты и все самое необходимое. Если мы будем медлить – наш отец погибнет от руки злого колдуна Мансийского.

- Хорошо, доченька, - ответила Обь.

- Ты помнишь, как в твоём сне были заколдованные камни, которые необходимо спасти, сказав заветные слова?

Обь попыталась вспомнить, но не могла. Но Катунь ее успокоила.

- Ну, вот тогда запоминай, потому что я их выучила уже.

- Ах, ты моя умница, Катунь! – обрадовалась Обь.

- Итак, - прошептала Катунь, - запомни: Чумыш... Томь... Чулым... Кеть... Васюган... Тым... Вах... повтори, мамочка!

- Чумыш... Томь... Чулым... Кеть... Васюган... Вах, - повторила Обь, и все стали собираться в дорогу.

Рано-рано, едва рассвело, гнедая лошадка Савраска повезла их навстречу приключениям. Стояла весна, цвел вереск, вишни, яблони. Чудесные запахи весны будоражили и волновали. Легкий ветерок раскачивал цветы, и вдруг железными тисками обступили их горы. И стали они двигаться! Какие-то цепкие холодные каменные глыбы готовы были уже раздавить мать и ее дочек.

Хотела Катунь подсказать матери слова заветные, да какая-то сила не дает сказать. Молящими глазами смотрит Катунь и ее сестра на мать, чтобы вспомнила она слова, да забыла их бедная мама. И вот уже с головой закрыли их камни плотной стеной! Оказались они почти замурованными. И вдруг, когда уже камни стали их медленно сдавливать, вспомнила слова Обь:

- Чумыш, Томь, Чулым, Кеть, Васюган, Тым, Вах, - проговорила женщина, и расступились камни и горы, и расцвели васильки и тюльпаны, огоньки и колокольчики. Стали эти цветы расти выше человеческого роста! Вдруг ударила молния, и вместо цветов появились измученные люди.

- Мы снова стали людьми! – закричали они, - спасибо тебе, милая женщина! Чего хочешь, проси, все выполним! Много лет назад мы пошли на охоту да попали в лес волшебника. Он заколдовал нас. Мы должны пребывать в камнях до той поры, пока не назовут нас по имени. Трудно в это поверить, но скажите, откуда Вам стали известны наши имена?

- А это заслуга моей дочери Катунь. Она в моем сне услышала эти имена.

Удивились охотники, глядя на Катунь. Потом они поели, отдохнули.

- Ну, что нам для вас нужно сделать? – спрашивают.

И когда Обь рассказала им про Иртыша, который томится у злого колдуна и попросила помочь спасти его, то испугались мужчины.

- Нет, - говорят, - мы лучше по домам пойдем, дети и жены ждут нас, не дождутся...

Опустила голову Обь, да и поехали они с Катунью и Бией одни. Молчат, ничего не говорят охотники, вслед смотрят, руками разводят...

- Я пойду с ними, - говорит Чумыш. Он был внуком самого старого охотника Чулыма. Сказал и побежал за телегой.

- Ну, коли внук пошел, нечего мне делать без него, - сказал Чулым и тоже побежал за телегой.

- Эх, братцы! Была не была, и я пойду на подмогу! – закричал третий.

- Да, нас выручили, и мы не должны в стороне быть. Не по-людски! – решил четвертый и тоже побежал следом.

А тут и пятый, и шестой, да и седьмой охотник решили помочь бедной женщине.

А Обь едет в телеге, не видит, как бегут за ней все семь человек. Бия оглянулась и ахнула!

- Мама! Смотрите, - радостно закричала она, - охотники за нами бегут, видно, их совесть замучила!

Обь остановила лошадь. Сели все в телегу и поехали. Едут мимо богача Сургута. Богат Сургут и мехами, и нефтью, и углем. Однако он встретил всех, накормил, дал теплую одежду и посоветовал им найти какую-нибудь птичку, потому что любит тот волшебник птичье пение. Так и сделали. Поймали охотники множество птиц.

Подъехали к замку колдуна Мансийского, предложили ему птиц. Тот пригласил всех в замок, чтобы послушать, как поют птички, да вот беда! От ледяного взгляда хана превращались птички в лед... А колдун только потешается....

- Это еще что, - говорит, - слышал я, что есть такой волшебник, который может превращать людей в камни. Хотел бы я научиться людей в лед превращать.

Приуныли люди, не знают, что делать, как спасти Иртыша.

- А нет ли у тебя, великий маг, какого-нибудь мужчины, которого тебе не жалко, - говорит Обь. – Я ведь могу сделать так, чтобы он исчез, и от него останется только пти-

чий голос. Будет тебе и соловьиная трель, и песня жаворонка.

- Не верю! – смеется хап. – Но такой никчемный человек есть. Эй, слуги, – притащите сюда Иртыша! Все равно завтра казнь!

Привели. Стоит он на ногах еле-еле. Исхудал, осунулся, оброс. Глянула на него Обь, обмерла! Велела дочери зайти за занавеску и петь, как соловей, подражать всем голосам птичьим, а охотники тем временем приготовили одежду для Иртыша. Бия встала за портьеру, а Обь подошла к Иртышу, посмотрела в глаза своему мужу.

- Узнаешь, – прошептала она, – свою женушку?

Иртыш так и обмер.

- Что надо делать? – спросил он.

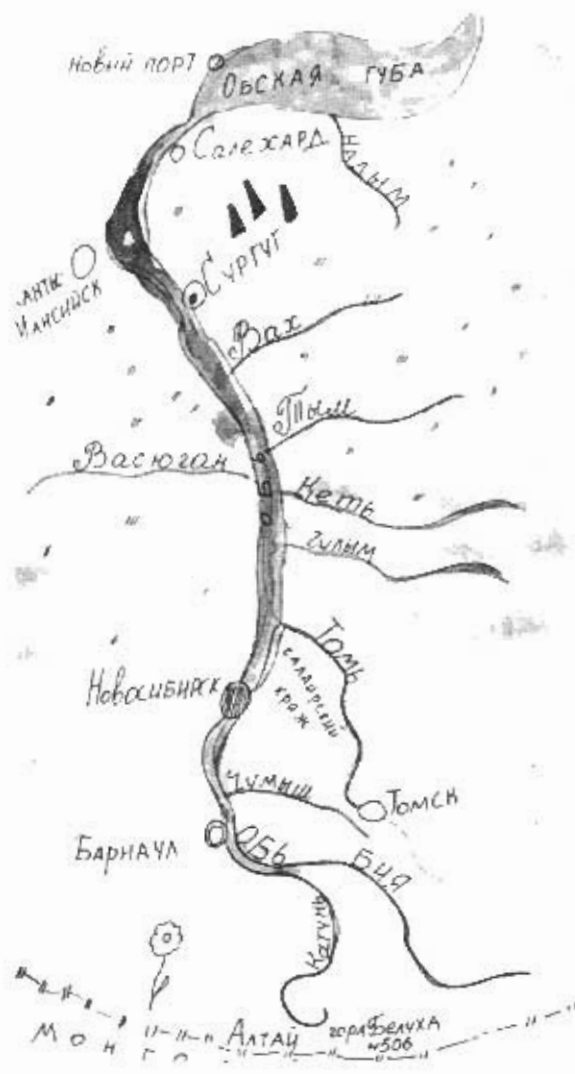
- Спрятаться надо, куда хочешь, до темноты. А там выберешься ночью и встретимся. Никто тебя искать уже не будет, так как я сказала колдуну, что ты превратишься в птицу.

Спрятался Иртыш, а дочь его Бия за портьерой стала щелкать, свистеть, петь. Волшебник в восторге, хохочет, вино пьет.

- Вели всех собрать, великий хан, – говорит Бия, – и слуг, и войско, и поваров. Такое чудо послушать. Ведь этот птичий голос мы можем слушать только один день. Так и сделали!

А Иртыш тем временем преспокойненько вышел за ворота. И потом встретились они с женой и дочками. И не было их счастливец на свете! И на том месте, где они встретились, образовалось море. Называется оно Обская губа.

И снова все сели на лошадку Савраску. Едут в телеге. Обь, Иртыш, Бия, Катунь, Чумыш, Чулым, Томь, Кеть, Васюган, Тым, Вах. Едут и песню поют на всю тайгу.

ЧУНИ ДЛЯ ЕНИСЕЯ

Вы не слышали легенду про Енисея? Нет?

Тогда слушайте. Жил был мальчик с родителями в одной деревне.

Звали его Енисей. Крепким здоровьем он не отличался. Часто болел от простуд. То себе насморк подхватит, то ангину подцепит, то бронхит. Все дети играют, резвятся, а наш Енисей горло полощет, лекарства горькие принимает. Летом, в жару, в теплой шубе прогревается, да все кашляет, кашляет, сердешный, на всю деревню. Только и раздастся его вечное ка-хем! Ка-хем! Так его и прозвали местные мальчишки Кахемом.

Посоветовали люди обратиться к известным профессорам.

Поехали в город. Профессор Абакан посмотрел мальчика, послушал, постучал по груди и дал такой совет:

– Необходимо вечное движение: надо лазить по горам, играть в футбол, скакать на лошади и очень много смеяться.

Профессор Минусинск покачал головой, повздыхал и так сказал:

– Моя научно – медицинская гипотеза и панацея от всех болезней заключается в удалении из организма соли и пота, поэтому, как можно больше слез!

Мать только руками развела и пошла к шаманке Саяне. Та велела поехать в город Красноярск и отыскать там молодую ярочку с красной шерстью и связать из этой шерсти теплые чуни для Енисея. Так и сделали. Поехали в Красноярск, отыскиали стадо овец, стали спрашивать, нет ли у них молоденькой ярки с красной шерстью. Овцеводы их только на смех подняли.

– Где это видано, чтобы овцы были красными?

– Не во сне ли вы ее видели? Или вы сквозь розовые очки будете на них смотреть?

– Может вам синюю или зеленую захочется? Только наши овцы, бараны и ярки все серые...

Мать с Енисеем головы опустили, да и восвояси поплелись. А овчар стрижет овцу – от смеха весь трясется:

– Ой, насмешили! Нет ли, говорят, у вас ярочки с красной шерстью... ха-ха-ха! Ой, держите меня, умру от смеха.

Только, вдруг случилось прямо-таки странное явление. Видит пастух и глазам своим не верит: на том месте, где он стриг, вдруг стала вырастать красная шерсть: мягкая, красивая, горячая, на солнце переливается, огнем горит! Схватил рукой да обжегся. Испугался, бросился за Енисеем и его мамой.

– Вернитесь! Чудо, Чудо! Горячая шерсть!

Бросилась мать к ярочке, сама ее стала стричь, да шерсть собирать. А уж потом чесать ее и кудельку делать. Затем на веретено нанизала и в клубок смотала. Достала свои пять спиц и за одну ночь связала Енисею теплые чуни. Овчары смотрят, удивляются, сколько лет они тут работают, а такого чуда не видели! Только руки матери от горячей шерсти стали, как обожженные. Велика материнская любовь. Жжет огнем, а мать терпит. Сын ее руки поцеловал.

– Мама, ведь вам больно...

– Ничего, сынок, - ответила мама, - заживет. Главное, чтобы чуни помогли тебе от хвори.

И только она протянула их сыну, как вдруг северный ветер Борей выхватил чуни из рук и унес, а куда никто не знает. Уж искали, искали, нету и все тут.

Опять пошла мать к Саяне - шаманке. Она же ясновидящей была. Саяна велела идти к Сибирскому лесу вдоль кряжа...

– Один чунь, - говорит, - на реке Чуна ищите, другой под камнями Тунгуски, где река Чуня. Много испытаний ждет вас, запаситесь терпением.

Так сказала шаманка и исчезла.

Дошли они до Лесосибирска. Встали на пути каменные пороги. Как идти? Где искать красные чуни? Бедный мальчик во время пути совсем расхворался, стал просить маму вернуться в родную деревню к отцу.

– Нет, сын, не сдавайся, борись, что есть силы, и удача будет в наших руках, - ответила его мать.

Ох, тяжело преодолевать пороги на реках. Вода несется, крутится, шумит, того и гляди, снесет в пучину. Встал перед ними Козачинский порог, а за ним Байкальская русалка Ангара крепко охраняет свои пределы.

– Эй, - кричит она, - зачем в мои владения забрели? – и водопадом пугает, да только Енисей и его мама не уходят.

– Отдай мой красный чунь! - говорит мальчик, - только тогда и уйдем.

День стоят, другой. Пришлось отдать. Енисей надел чунь на ногу и почувствовал себя лучше. Перестал кашлять, появился румянец на щечках, повеселел. Пошли искать другой чунь, да топкие болота выросли перед ними, а как поднялись по реке Подкаменная Тунгуска, встали перед ними пороги больше прежнего. Сначала с большим трудом преодолели Вельминские пороги. Один больше другого. А потом появился порог Дедушка. Поднялся он во весь рост, да и затряс бородой. Водопады чуть не снесли нашего Енисея, но сдержался он, устоял. Дедушка начал камнями швырять, а мать с сыном эти камни ловят, да обратно их кидают. Сдался Дедушка.

– Помилуйте, - говорит, - стар я стал.

– Тогда отдай мой красный чунь! Не тобой вязаны, а матушкой моей, не тобой и носиться будут. А не отдашь, так буду швырять в тебя камнями, пока не одолею силушку твою ...

– Ну, ладно, бери свой чунь, - сказал дедушка, - он на реке Чуня у большого камня схоронен.

Надел мальчик второй чунь – сразу все болезни, как рукой сняло, здоровым стал, да крепким, подрос, уже выше матушки. Ну, просто жених, да и только! Смотрит на него мать, не насмотрится. А то, как же! Был он хворый да ледащий, а стал здоровым. Косая сажень в плечах! Сучок в кулаке сожмет, так вода пойдет. Вон, какие чуни-то волшебные!

Сняла мать со своей руки колечко золотое.

– Это для невесты твоей. Пора тебе искать жену да детей заводить. Брошу я сейчас колечко, а ты, Енисей, иди за

ним, куда оно покатится, а мне пора домой, отец твой ждался. Я свое дело сделала, теперь очередь за тобой. Ты был хилый и маленький, а теперь мужчина здоровый, и моя помощь тебе уже не нужна. Сам теперь выбирай свой путь.

И бросила колечко, и покатилося оно к северу, а Енисей попрощался с матушкой и пошел своей дорогой.

Привело его колечко в город Туруханск. Смотрит, на болоте кричит птица турухтан. Прислушался и узнал, что местный хан Туру проводит состязания по бегу. Кто первым добежит вдоль реки Нижняя Тунгуска, тому достанется в жены красавица, одна из дочерей хана. Пошел он на бега. Как взглянул Енисей на дочерей хана, одна другой лучше. Какую выбрать! Взял колечко, да и бросил наземь. А колечко покатилося мимо девушек Виви, Тембенчи и Кочечум и остановилось.

– О, Великий хан, нет ли у тебя еще одной дочки? – спрашивает Енисей.

– Есть, – отвечает хан, – да она больна, никому не нужна.

– Покажи, – просит Енисей.

Отвели его в чум, и увидел юноша в углу больную девушку. Колечко прямо в руки ей покатилося.

– Если она тебе нравится, я так тебе ее отдам, – сказал хан. – А зовут ее Таймура.

– Нет, – отвечает Енисей, – пусть она увидит сама все состязание.

Дали сигнал и все женихи побежали к порогу Ждановского. Там ждали их гости и местные жители. Наш Енисей быстрее всех пробежал вдоль Нижней Тунгуски.

– Заслужил, – говорят ему, – ты красавицу, выбирай любую.

– А я уже выбрал, – отвечает Енисей.

Хан Турухтан вынес на руках свою меньшую дочку, немощную и больную Таймуру. Победитель сам ее выбрал.

– Бери, она твоя.

А Енисей подошел к ней и попросил снять обувь. Сняли. И падел Енисей ей на ноги свои красные чуни. Это мой свадебный подарок для невесты.

– Подарок? Эти старые красные носки? – и стал хан смеяться. И народ тоже хохочет, за животы хватаются.

– Нет, лучше выбросьте их, – сказал хан. – Я ведь не ожидал, что так получится, я и так рад!

И только хотел сорвать носок с ноги дочери, да обжегся. Что за чудеса!

И тут действительно произошло чудо. Засмеялась Таймура, встала и, к изумлению отца, стала бегать и резвиться.

– Она здорова, – сказал Енисей. Взял за руку свою жену и повел за свадебный стол. Заплакал хан от счастья, поклонился в ноги Енисею и подарок подарил – волшебную дудочку: заиграешь с одной стороны – лето появится, цветы распустятся, трава ковром ляжет, птицы запоют и бабочки летать будут. Заиграешь с другой – окажешься там, где

хочешь.

Через год родилась у Таймуры дочка Курейка. Счастье посетило сердце Енисея и Таймуры. Только ходит он грустный, по дому скучает. Мать захотел увидеть.

Поднесла Таймура дудочку:

– Играй, милый, и окажемся там, где захочешь.

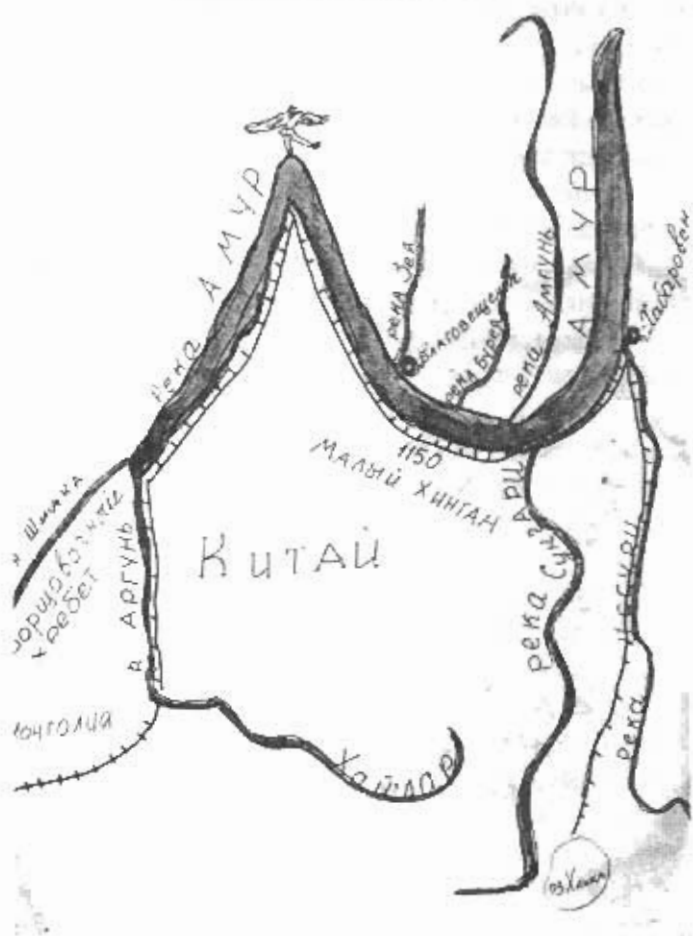
Как увидела мать Енисея его жену и внучку, обрадовалась, бросилась всех обнимать да целовать, да столы накрывать. Вышел отец - благословил детей.

Гостей пригласили, вино рекой лилось.

Так и жили они счастливо и никогда не болели. Ведь у них были красные чуни.

КРЫЛЬЯ АМУРА

Есть на востоке нашей России, на самой границе с Китаем, Боршовочный хребет. Вот там жил один мечтательный мальчик. Звали его Ерофей. Больше всего на свете любил он мастерить бумажных змеев. Вместе с соседской

девочкой Аргунь бегали они по долине и запускали разукрашенных яркими красками змеев. Аргунь ими восхищалась, а мальчик важничал.

- Это еще что! Я хочу смастерить такого огромного бумажного змея, да и полетать на нем!

Стал думать, как его сделать. День и ночь, дома и в школе – все чертежи делает да макеты. Больше ни о чем не хочет знать.

- Ерофеюшка, учитель жалуется, что ты на уроке ничего не слушаешь, - сокрушалась мать, - о чем ты все время думаешь, а? Сказал бы матери, сынок, что за мысли в твоей головушке сидят?

- А смеяться не будешь, матушка? – Ерофей не любит насмешек.

- Уволь, Ерофеюшка, не буду. Только скажи мне ради Христа! – просит мать, и Ерофей шепотом поведал матери свою главную мечту.

- Хочу придумать такие крылья, которые можно надеть на себя и полететь над тайгой аж до самого Охотского моря!

- Что ты, что ты, сынок, многие так загубили свою жизнь! Нет уж, не дано человеку летать. Выбрось ты эти мысли....

Заплакал Ерофей, убежал на крутояр, не идет домой. Там его и нашла мать. Села рядышком, по голове погладила да и говорит:

- Невольно не буду, Ерофеюшка. Ты уже не маленький, двенадцать годков уже, делай, как знаешь... Видно, крепко тебя мечта держит, не отпускает. Вот, купила я тебе крепкой материи, держи! - и подала она Ерофею белое сукно.

Ох, и обрадовался Ерофей! Глядит – не наглядится на подарок.

Побежал к учителю, стал просить его помочь сделать крылатое устройство, а как сделали, пошел на крутояр, на-

дел на себя крылья. Стоит, словно ангел над обрывом. Он и впрямь на ангелочка похож был: волосы светлые да курчавые, росточку небольшого, а смелости много. Пришел народ подивиться на смельчака. Ерофей молчит. И народ ни звука. Ждут. Смотрят.

И Бог с неба смотрит, что это за отрок с белыми крыльями стоит над обрывом. Верная гибель! Смотрел, смотрел да и сжалился над ним. Прислал на помощь орла Шилку. А Ерофей уж разбежался и прыгнул вниз!

Ахнули люди, кинулись смотреть и увидели орла, который схватил его за рубашку. А рубашка ветхая, возьми да и порвись! Тогда орел за штаны ухватил. И штаны пошвам! Остался наш Ерофей, в чем мать родила. Лишь тело да крылья из сукна.

- Ой, смотрите, люди добрые, по небу срам летит, - закричала какая-то старушка, крестясь.

- А коли срам, то не смотри, - ответили ей, - а нам охота посмотреть.

А Ерофей уж мимо дома своего летит.

- Мама, - кричит, - гляди, я лечу, словно птица!

Мать выбежала, глазам не верит. Летит по небу Ерофей без штанов, без рубашки!

Ахнула, перекрестилась, а сына и след простыл. Улетел сынок за лес, за поле. Все ниже и ниже! Вот разобьется!

Тогда Бог двух ангелов послал спасти Ерофея. Они его у самой земли схватили и вместо сукна подарили самые настоящие крылья. Рядышком летят.

- Кто вы? - удивился мальчик.

- Мы ангелы. Зея и Буря. А тебя Бог так возлюбил, что возвысил и крылья дал. И ты, словно ангел, купидон, амур. Мы тебя будем называть Амуром.

- Читал я, - отвечает отрок, - что Амuru полагаются колчан и золотые стрелы.

- Твое слово - для нас закон, - отвечают Зея и Буря. - Ни в чем тебе нет отказа.

И дали ему золотые стрелы.

- Дорогой, поди, товар?

- Это подарок, - отвечают.

- Ух, ты! Тогда подарите мне и новые штаны!

- А вот это - совсем лишнее. Ангелам штаны не положено носить.

Мальчик так испугался, что хотел даже проситься на землю, но вовремя передумал. Без штанов его засмеют. До

конца жизни не отмоешься от позора, да и мама расстроится. А здесь простор, летай себе, куда хочешь.

Тогда решил Амур высматривать красивых девушек. Ведь когда-нибудь все равно придется жениться, а невесту уже сейчас надо подыскивать.

Пролетая над Китаем, увидел он прекрасную китайку Сунгари.

- Хорошо бы мне такую жену...

- Чтобы она тебя заметила, нужно взять золотую стрелу и выстрелить. Стрела попадет в сердце, и она тебя полюбит, - объяснила Зeya.

Ерофей выстрелил, полетела стрела и попала в девушку.

Увидела Сунгари мальчика, бросила свои рисовые поля, родителей и маленького брата Хингана и помчалась за Амуром. Куда Амур, туда и Сунгари.

Вскоре Ерофей увидел в тайге еще одну красавицу. Это была Уссури. Она шла по тропинке и несла хворост. И вновь полетела стрела и попала в правую руку девушке. Выронила Уссури хворост, увидела прекрасного Амура, который кружился над нею. Она взяла перо, бумагу и написала стихи:

*Чудный отрок, светел лик,
Он ко мне щекой приник,
Я огнем любви горю.
Я люблю тебя, люблю!*

И пошла Уссури за Амуром. А Ерофей только забавляется, да посмеивается. Пролетая над Бурейнским хребтом, заметил он третью красавицу – Амгунь. Она ловила рыбу и вдруг вздрогнула. Это стрела Амура пронзила ее. Взглянула Амгунь, увидела смеющегося ангела и, все оставив, бросилась за ним.

- О, мой прекрасный Амур! Ты призрак моей мечты! Отныне только о тебе все мои мысли! Только тебе я отдаю свое сердце. Я люблю тебя, Амур!

- Вот тебе на, - пробормотал восхищенный Амур, - три красавицы полюбили меня! Что же мне с ними делать? Какую выбрать в жены, не знаю...

Он весело смеялся, но когда девушки встретились и стали из-за него ссориться, плакать, кричать и таскать друг друга за волосы, то полетел он к Охотскому морю да и швырнул колчан с золотыми стрелами в прохладные волны. Упали стрелы на дно морское. А Ерофею так захотелось домой к маме, что он заплакал.

Ангелы тут как тут.

- Выполним твою просьбу.

Не успел Ерофей и глазом моргнуть, как дома оказался на родимом пороге. Дверь открыл и видит, что его мама постарела, все вещи вдруг маленькими стали.

- Мама! Я вернулся, - закричал сын и бросился к ней в объятия.

- Ерофеюшка, - заплакала мать, - сынок, а я думала, что ты пропал. Тебя не было пять лет! Извелась я тут, жизни не рада! Слава Богу, живой! Только, почему ты без одежды? Ты уже не маленький, вот, надевай.

И протянула ему старенькую одежду:

- А то люди засмеют.

Но одежда была ему мала.

- Когда ты вырасти успел? - воскликнула мать, - давай-ка сюда свои крылья, я из них сошью тебе рубаху и штаны...

Наступил вечер.

Собралась вся деревня у ворот. Вышел Ерофей живой и невредимый. Все рады ему, только заметил он, что одна девушка совсем не смотрит на него.

- Кто такая?

– Да как же, сынок, это наша соседка Аргунь, нешто не узнал?

Глянул Ерофей и запылало его сердце огнем! Была она так хороша, что ни Сунгари, ни Уссури, ни Амгунь не могли с нею сравниться. Еще недавно была она малышкой, и бегали они с ней, запускали бумажного змея, а вот сейчас она прямо невеста.

– Здравствуй, Аргунь! Отчего ты не смотришь на меня?

– Слышала я, что ты по всему свету невест подыскивал, - отвечает, - и что, не выбрал?

Ерофей взял Аргунь за руку и тихо сказал:

– Вот теперь-то выбрал, у своего дома. – И глядит на нее, не наглядится!

– Оно и верно, – обрадовалась мать, – чего по свету летать, коли у своего пенька хорошо жить! Где родился, там и пригодился.

А через три дня свадьбу сыграли. Веселая была свадьба, на всю округу!!!

МАКУТКИ

Эта легенда навеяна песенкой из репертуара Робертино Лоретти "Уточка и мак"

- У х, ты! – громко, на весь Тиманский краж крикнула старая утка Ухта. Ее дочь из маленького утенка превратилась в красивую утку. Она подплыла к ней:

- Вычегда, милая доченька! Тебе пора искать жениха и к весне выводить утят.

Вечером в камышах мать поведала дочери все женские утиные тайны замужества и выведения утят.

- Главное в семейной жизни – это кротость и дети. Вот наше счастье.

На желтом кленовом листе она нацарапала лапой адреса неженатых птиц: селезней, гусей, гагарок, потом спрятала этот лист под крыло своей дочери.

На рассвете стая вышла провожать Вычегду. Все болото Тиманского кража наполнилось прощальным кряканьем, шумным хлопаньем крыльев и множеством напутствий.

- Берегись лисиц и волков, - предостерегал Вычегду дедушка, показывая свое искусанное крыло.

- Да что волки?! Охотников опасайся, - крикнула тетушка, - того и гляди, как превратишься в утиное одеяло или подушку...

- Не забывай наше правило. Где родился, туда и возвращайся! – сказал отец.

- Прощай, доченька, - грустно вздохнула Ухта и нырнула с головой в воду, пряча свои слезы...

Вычегда, смущенная и причепуренная, как невеста, нетерпеливо переминалась с лапы на лапу и ждала конца провожаний. И вот она получила благословение всей стаи, взлетела в небо и исчезла в предрассветном тумане.

- Возвращайся, - кричали ей утки, - мы будем тебя ждать!

А уточка, перелетев горы Северные Увалы, опустилась отдохнуть на землю около дворцового сада богача Увала.

Она увидела, как за оградой распустился очень красивый цветок. Это был мак. Молодая уточка даже ахнула!

- Ах, как Ты прекрасен! – воскликнула она.

Польщенный цветок еще пышнее распустил алые лепестки и с удовольствием посмотрел на хорошенькую уточку.

- Меня зовут Вычегда, - она изящно сделала ему поклон.

- А меня зовут Сыктывкар, - обрадовался цветок.

- Кряк-как? – переспросила уточка.

- Сыктывкар, - повторил мак.

- Сык – тыр- кыр- пар... - бормотала Вычегда.

- Да нет, - рассмеялся цветок, - меня зовут Сыктывкар!

- Сык – тык – пык... Какое у вас трудное имя! Извините, я совершенно не могу его повторить, но постараюсь выучить его как можно скорее! А пока мы можем вместе поплавать, - предложила уточка.

- К сожалению, я не умею плавать. Ведь я цветок.

Но я очень полюбил Вас и хотел бы жениться, если только разрешит папочка, - ответил мак.

В это время раздался гневный голос отца.

- Сыночек! Я не разрешаю даже разговаривать с этой безродной уткой! – закричал он, - Эй, слуги, хватайте эту выскочку и сбросьте ее со скалы!

Прискакали слуги-жабы, схватили уточку и сбросили ее со скалы.

- Что вы делаете? – заплакал мак, - ведь я люблю ее! Я без нее не могу жить! – Сыктывкар свесил свои прелестные лепестки, и они опали. Красивый цветок превратился в лысого старика.

- Что я наделал? – испугался Увал, - бедный мой мальчик!

Он приказал слугам-жабам доставить в сад самых лучших докторов. Прибыли доктора, осмотрели сына, развели руками.

- Он влюблен, - сказал профессор Подорожник.

- Его нужно женить, и он выздоровеет, - посоветовал доктор Зверобой.

- Немедленно пригласите сюда уточку. Что вы медлите? - возмутилась Ромашка, - цветы не должны страдать, у них тонкая психика.

- Но это невозможно, - пролепетал Увал, - она разби-лась.

А Вычегда тем временем плыла по Северной Двине. Ей становилось очень грустно, когда она вспоминала прекрасный цветок, слезы наворачивались ей на глаза. Но слезами горю не поможешь. Надо искать себе пару. Она глянула на кленовый лист и прочитала адрес молодого селезня. Его звали Юг.

Юг оказался слишком молодым селезнем. К тому же его мама сообщила ей, что он еще не умеет высиживать яйца. Уточка попрощалась и поплыла дальше.

Следующего жениха-лебедя звали Сухоном. Он поклонился уточке и спросил:

- А почему у Вас такая короткая шея?

Вычегда удивилась.

- А зачем мне длинная шея? Как же я буду прятаться в камышах? Ведь меня могут заметить лисы, волки и охотники...

- Мне нужна жена с длинной шеей, - гордо заявил лебедь, - и я вовсе не собираюсь прятаться. Я люблю, когда на меня смотрят. Простите, но Вы мне не подходите, - заявил Сухон, и уточка поплыла дальше.

Гусь Вага оказался горделивым и драчливым. Не успела Вычегда с ним поздороваться, как он стал шипеть, хлопать крыльями и даже больно ущипнул ее!

- Га-га-га! – кричал он, - давно я поджидаю невесту! Позвольте представиться! Господин Вага! Мы будем жить припеваючи! Будем шипеть, и все будут нас бояться!

И он неожиданно выдернул у Вычегды одно перышко.

- Позвольте, господин Вага! – возмутилась уточка, - я ведь еще и слова не сказала, а вы все решили за меня! К тому же выдернули мое перышко, ушипнули меня! Моя мама Ухта не раз говорила мне, что главное – это приветливость и забота о детях. А Вы ни слова не сказали о детях, и у Вас нет приветливости. Прощайте!

И уточка опять поплыла искать жениха. И напрасно Вага кричал ей вслед, чтобы она вернулась: - Вернись, я тебе еще не показал свой ценный пух!

Но уточка даже не оглянулась. «Муж-драчун совсем не прельщает меня», - думала она.

“Пинегга”, - прочитала Вычегда адрес следующего жениха. “Никто из них не похож на Сыктывкара”, - сказала она, удивляясь, как легко произнесла это трудное имя. “Надо же, - думала она, - если бы мак смог это услышать, то, наверное, обрадовался бы”.

Вычегда вспомнила, как рано утром раскрывались его сказочные лепестки, и горели на солнце черные глазки...

Уточка плыла по реке и горько плакала. Слезы капали в реку Северная Двина.

- Милое дитя, - услышала она, - не плачь! Все у тебя будет хорошо!

- Ах, милая Двина, я все время думаю о цветке... Ведь я не видела его очень давно. И ничего не могу поделать с собой, – и уточка стала плакать еще громче.

- Это, очевидно, любовь, - прошептала река, - почему же ты не вернешься?

- Нельзя! Его отец против. Ведь они очень богаты, а я всего лишь безродная утка....

В это время по реке поллыли красные лепестки мака. Вычегда сразу узнала их.

- Ах, какое горе, - воскликнула уточка, - Сыктывкар болен. Я это чувствую. Я должна его увидеть, чего бы мне это не стоило!

В это время появился прекрасный селезень Пинега. Он уже давно ждал Вычегду, стоял во фраке, с букетом полевых цветов в петлице и с гармонью. Увидев Вычегду, он радостно заиграл на гармонике, запел торжественную песню.

- Здравствуйте, господин Пинега! - грустно промолвила уточка.

- Здравствуйте, Вычегда! Я давно жду Вас и хочу поскорей жениться!

- Ах, не торопитесь... Ведь у меня... очень короткая шея, нет одного перышка, и я просто безродная утка... Кроме того, я люблю другого, - призналась она.

- Кряк-как? - переспросил Пинега, - это ничего не значит. Вы должны остаться! А если не останетесь, я вас запру в клетке...

Он бросился ловить Вычегду. Поймав ее, запер.

- Сидите здесь, невеста, завтра же наша свадьба!

Всю ночь уточка плакала, а на рассвете взмолилась:

- Северная Двина! Помоги мне, прошу тебя!

Поднялась река, вышла из берегов и открыла клетку.

- Спасибо! - закричала ей счастливая уточка, - уж лучше останусь старой девой, чем жить без любви! - и она взлетела в небо.

Два дня без усталости и отдыха летела Вычегда к своему другу. Несколько раз Северная Двина просила ее отдохнуть на голубых волнах, но уточка была тверда и упорна.

Однажды ее крылышки не выдержали, и уточка упала прямо в реку. Но плыть она тоже не могла. У нее очень ус-

тали лапки. Беспомощно она застряла в камышах у берега и горько заплакала. Тогда Северная Двина попросила ветер помочь утке.

- Только будет очень холодно, - предупредила она утку, - терпи. Прощай!

А через несколько секунд палетел северный ветер, пошел с Белого моря и погнал волны прямо к дворцу господина Увала.

Ее крылышки стали ледяными, но утка терпела, ее клюв замерз, и она не могла даже напиться, ее глазки были печальны, и в них застыли сосульками слезы. Вдруг услышала она голос Увала:

- Кто вылечит моего сына, тому я подарю шкатулку с драгоценностями!

Вычегда взглянула на цветок мака и ужаснулась. Он лежал на земле совершенно лысый, без своим прелестных лепестков.

- Сыктывкар, - позвала его утка, - что с тобой?

Цветок открыл глаза, посмотрел на нее и печально вздохнул.

- Ты не узнаешь меня, Сыктывкар? Я Вычегда.

- Нет, моя утка разбилась... она была прекрасна.

- Ах, мой милый, дело в том, что утки умеют летать. И никогда не разбиваются!

- Неужели это ты, Вычегда?

- Конечно, я, - ответила утка, - Я видела на волнах твои лепестки, и мне захотелось узнать, что с тобой произошло. И вот я здесь.

- Какое счастье! – восторженно произнес мак, - значит, мы можем пожениться?

- Если разрешит твой отец, то я согласна, - воскликнула утка.

- Но я нынче стал лысым...

- Неужели ты думаешь, что это может стать помехой? Главное, чтобы ты выздоровел скорей.

В это время Увал принес Вычегде шкатулку с драгоценностями. Но уточка отказалась от богатства.

- Мне ничего не нужно, - скромно молвила она, - только разрешите мне стать женой Сыктывкара.

И отец согласился.

И сразу у цветка вновь выросли красные лепестки. Они были еще прекраснее прежних!

- Когда у нас появятся дети-маки, то я буду счастливейшим отцом!

- Нет, милый Сыктывкар, у нас будут дети-утки. И, пожалуйста, не спорь!

- Ну, нет! Дорогая, дети – это цветы! – тараторил мак.

- Нет, у нас будут утята, - настаивала Вычегда, - только утята, и не спорь!

- Нет, маки!

- Нет, утята!

В это время Северная Двина бросила им свою волну, чтобы поздравить их и сказала так:

- Пусть ваши дети будут макутками!

Уточка и мак перестали ссориться, и у них вскоре появились очаровательные утята с маками на головках. Уверяю вас, ничего прекраснее я не видела на свете!

ГОРБУНЬЯ

(легенда о реке Лена)

Сказывают люди, что в этих восточных горах Саяны, жила была одна крестьянка. Звали её Тайга. Пышногрудая красавица была столь высокого роста, что ее можно было заметить аж за версту! Куда ни придёт - головой потолок подпирает. А зимой сядет в сани, так всех насмешит! Они под ней, точно спичечный коробок! А на доску качельную залезет, так все падают!

Мастерица она была замечательная. И прясть, и ткать, и землю боронить – все могла! Пришло время, замуж идти. Нашли сваты ей одного мужика.

– Вот тебе муж Байкал. Он хоть и ленивый - зато песенник! Так поет, что душа в небо рвётся! Рада будешь, Тайга!

– Ну, спой, коли так, - попросила девушка.

Запел Байкал. Голос сладкий, певучий, вот сердце-то и растаяло...

Согласилась Тайга пойти за него замуж. Байкал к ней подошел, на цыпочки привстал, и хоть сам немало роста, а ей едва до пояса достает. Вот зажили они вместе. Жена в поле работает – муж песни поет, жена пряжу прядет – муж на балалайке играет, жена за ухват, чтобы ши из печи достать, а суженый за ложку свою хватается! Одним словом весело жили, ладно, не тужили, и никогда не бранились. Только повадился в горы Саяны один злой волшебник. Увидел он Тайгу и решил ее взять в жены. Предстал перед ней красавцем королевичем и к ногам ее три шапки горного хрусталя высыпал!

– Идем со мной, будешь жить, как королева!

Рассмеялась Тайга, – я простая крестьянка, ни к чему мне твой хрусталь, да ведь жена я мужняя, а мужа Бог

один раз даст и на всю жизнь. А мой Байкал хоть и ленив, зато весело мне с ним!

Осерчал волшебник. Схватил камень и швырнул в женщину. Охнула Тайга, а волшебник закричал:

– Роди же дочку – горбунью! И пусть она мается с горбом до тех пор, пока не найдет горбатого олененка и не поцелует его. Вот мое заклятье!

Пришло время, и появилась на свет у них дочка. Назвали ее Лена. Как сказал волшебник, так и сбылось... Горбунья! Вот беда какая... Через год появилась еще одна дочь – Киренга, затем Ангара и уж потом сынок Баргузин.

Тайга и Байкал очень любили своих детей, души в них не чаяли! Только стала Тайга подмечать, что Лена стала грустная, печальная. Все по лужайкам скачут, а Лена под лопухами прячется. Дети с горки на салазках, а Лена под горкой сидит, горб свой от людей прячет.

Решила Тайга найти горбатого олененка. Ведь сказывал злой волшебник, что ежели Лена и Оленек встретятся – горб Лены исчезнет.

Побрела Тайга по всем лесным тропам да болотам искать горбатого олененка. Вот и год прошел, и пять, и семь. Её дети уже взрослыми стали, а матери все нет, как нет! Пропала... Решили люди, что ее злой волшебник украл.

Байкал погоревал-погоревал да с кручины глубокой превратился в большое озеро, да такое, что аж в 1620 метров! И там, на глубине, пел он о своей жене грустные песни. Услышала его песни русалка Селенга, подплыла к дому его, позвала Лену.

– Твой отец велел искать тебе горбатого олененка да поцеловать его, тогда и горб твой исчезнет! Говорят, на севере много оленей.

Делать нечего. Собралась Лена в путь-дорогу, пока лето стоит. А лето на севере очень короткое. Надо спешить!

Попрощалась она с сестричками Киренгой и Ангарой и с братом Баргузином, да с добрыми соседями, поклонилась на все четыре стороны и пошла.

День идет и два и семь. Вот и Патомское нагорье, где живет ее крестная мать и крестный отец Витим. Рассказала им про свою беду да попросила благословить ее на счастье.

Витим подарил Лене золотое колечко, а крестная мама благословила, трижды знаменный крест с молитвой осенила, гостинцами одарила. Витим помог Лене через Патомское нагорье пройти.

— Возвращайся до морозов, — предупредил Витим, — ждать тебя будем!

— Прощай, — крикнула Лена, — Будет по мне звон венчальный или погребальный... С тем и ушла...

Идет по лесу. Зайцы, белки, лисы, медведи бродят, но помнит Лена уговор, что летом звери не страшны, коли их

не сердить. Вдруг видит на деревьях не птицы, а маленькие чудо-крошки.

– Кто вы такие? – удивилась Лена.

– Мы дриады. Духи леса и деревьев.

– А зовут вас как?

– Я Олёкма, а это моя младшая сестра Чара.

– А меня зовут...

– Лена! – хором воскликнули дриады, – ты ищешь горбатого оленя, ведь так?

– Откуда вы все знаете? – изумилась Лена, – я ведь издалека пришла.

– Много лет назад здесь же, на этом самом месте, спрашивала про оленя одна женщина, которая поведала нам про дочь свою, горбунью и про злого волшебника.

– Значит, здесь была моя мама! Расскажите, что с ней случилось? Она ведь пропала!

– Очень жаль, но нам неизвестно, куда она пошла. Спроси у духов гор. Может, они знают? Видишь черную гору Сангара? Там духи. Им с высоты виднее. Прощай! Желаем найти тебе своего оленя.

Вот опять Лена идет, а дорога все тяжелее и непроходимее. Устала Лена. Встретилась ей на пути шаманка - якутка, пригласила в юрту свою, расспросила ее, куда и зачем идет, накормила, спать уложила.

– Отдохни, путь неблизкий. А утром отправишься дальше, дам я тебе гостинцев в дорогу да воды...

Слушай, что скажу, довелось мне видеть одну женщину, очевидно, твою маму. Очень высокая, красивая, работающая. Тоже оленя искала сердечная, да не простого, а горбатого... виданное ли дело?

– Нет разве горбатых оленей? - спрашивает Лена.

– Никогда не видела, сколько живу на свете, - призналась якутка, - а уж, сколько троп и болот я исходила! Не

ходи никуда, оставайся у меня, вместо дочери мне будешь в радость...

– Спасибо вам на добром слове, только я все равно пойду... прошептала Лена, – не хочу с горбом век маяться. А может, маму свою найду...

Наутро попрощалась Лена с якуткой и дальше побрела.

День бредет и два, и три, наконец, видит, стоит Сангар каменный, а вокруг него летают крошечные духи гор – ореады. На маленьких облачках они в догонялки играют. Глаза завязали, а в руках крошечные колокольчики звенят: Динь - динь - динь!

– Здравствуйте, милые крошки!

– Здравствуй, Лена!

– Откуда вам известно мое имя?

– От твоей мамы. Она была здесь несколько лет назад.

– Скажите, как вас звать- величать?

– Я самая старшая ореада. Зовут меня Алдан.

– А меня зовут Амга!

– А я Мая, а это моя сестра Юдома!

Лена присела на пенек передохнуть. Веселая стайка орсид резвилась и кружилась над девушкой.

– Зачем пожаловала в наши края? - спросила Алдан.

– Ищу я горбатого оленя. Он такой же, как и я. Он спасет меня. Видели?

– Не видали. Нет в наших краях таких оленей. Напрасно ищешь... лучше поиграй с нами!

– Нет, мне идти нужно, милые ореады!

Долго уговаривали ореады ее остаться или вернуться домой. Но Лена не согласилась.

– Дальше болота да топи! Пропадешь зря! Вот и мама твоя пошла и не вернулась, одумайся! Ведь дальше, говорят, злая ведьма Вилюй на болотах царствует, да страшный водяной Жиган девушек заманивает...

Но Лена топнула ногой: – Все равно пойду! Пан или пропал!

И пошла. И вдруг услышала, как кто-то аукает голосом ее матери. Бросилась девушка на голос да в болоте застряла! Стала звать на помощь. И видит ведьму косматую, пальцы длинные и горб за спиной! Вытащила она Лену из болота, посадила на мох, костер развела, обсушила и поганки-грибы ей предлагает.

– Зачем поганки есть? Не буду! – говорит Лена, – сама их ешь! Ведьма их съела и хохочет и щекочет девушку, да приговаривает:

– Топи ее, невеста моего сыночка пришла! Топи! Топи! Потом позвала Жигана – водяного. Появился он, косматый, хвостатый! Мерзкий старик схватил ее и велел работать на него.

– Будешь мне печь топить! Обед варить! Я поймал недавно одну важенку, а сегодня у нее появился малыш – олененок!

– Олененок?! - вскрикнула Лена.

– Олененок! - захохотал Жиган, – такой же горбатый, как и ты! Я их связал, будет нам свадебный пир! Мы с тобой будем в этих местах жить, как цари... Никого сюда не пустим и всех будем пугать, изводить и страх наводить!

Лена ни жива, ни мертва от страха, потом собралась с духом и говорит водяному, – Уж коли свадьбу играть, то зови гостей своих.

– Ладненько! - захохотал Жиган, - а ты пока забей важенку с олененком, да в котле их свари! И исчез под водой.

А ведьма Виллой ее сторожит, прямо глаз не спускает. Тогда Лена решила обхитрить ее.

– Зачем тебе, ведьма, работать, раз уж я тут. Сама управлюсь. Отдай мне все ножи, пригодятся! Где олени?

– Там, за болотом...

– Я пойду, а ты пока костер разведи.

Ведьма согласилась, а Лена бросилась за болото по кочкам, по стволам, видит связанных важенку и олененка.

– Не губи нас, – человеческим голосом сказала важенка, увидев в руках острые ножи.

– Господи, да кто же вы?! Разве не звери?

– Отпусти нас! Мы не звери, мы твое счастье...

Лена веревки разрезала, схватила олененка и поцелова-

ла его. И произошло чудо! Превратился он в прекрасного юношу. Стоят они и друг на друга смотрят – не посмотрят-ся.

– Садитесь на меня, я вас повезу, – молвила важенка. – Надо скорее убежать из этих мест, а то вернется Жиган со своими комарами-друзьями, изведут они нас.

Лена села с женихом своим на важенку и понеслась она быстрее лани!

А когда в безопасное место они прискакали, то важенка сказала Лене.

– Смотри, горб-то твой исчез...

Обрадовалась Лена, засмеялась впервые в жизни, и пошли они с Олененком домой. Всюду им радовались и поздравляли.

Вот приветливо машут им духи гор – орсады Алдан, Амга, Мая и Юлома.

– Счастья вам и радости! Вместе быть всегда!

Колокольчики динь-динь! Динь-динь! Звон переливается по всему лесу. Счастья вам да радости! Вместе быть до старости!

А вот и духи леса – дриады Олекма и Чара. Прыгают на ветках от радости и поют. – Поздравляем! Поздравляем!

Дальше идут, и вот Витим с крестной мамой обнимают их, целуют, и от радости плачут. Как же все хорошо кончилось! Собрались все и к дому Лены идут.

Выбежали на крыльцо Киренга, Ангара и Баргузин, видят, Бог мой, гости едут! Навстречу бегут, и давай обнимать свою сестру да к свадьбе готовиться. Вся деревня прибежала смотреть на Лену, да на красавца жениха.

– А Лена-то наша без горба!

– Быть не может!

– Да поглядите сами!

– Дорогие гости, приходите к нам на свадьбу! Уважьте, просим, просим! - говорит Лена и ее жених Олененок. Веселая была свадьба! А самое важное, что на свадьбу пришли Байкал и Тайга поздравить детей.

– А не узнала ты меня, - засмеялась Тайга, - ведь важенка это я была, Я долгие годы ждала появления горбатого Олененка. Упросила злого волшебника спасти тебя, а за это он мою жизнь взял, но я по праздникам буду прихо-

дить к вам, мои дорогие дети... А вы по Тайге ходите за моими гостинцами. Я вам и грибов, и ягод разных дам. Не жалко. Всем хватит! Я ведь очень большая! На тысячи километров!

Байкал тоже поздравил молодых и велел ловить рыбу в озере. Много рыбы у меня, ловите да меня вспоминайте!

А если вы, мои дорогие читатели, захотите приехать на Байкал, да в Тайгу – милости просим! Богат сибирский край и ягодами, и грибами, и орехами!

РАССКАЗЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Дж. Верди Ария трубочиста

Сольный концерт в Доме Учителя

СУД ИДЕТ

- И когда это я успею уснуть? - подумал Сидор Иванович, зевая, - вроде все на месте: сумка, кошелек, двести рублей шестьдесят копеек, носовой платок, сигареты, зажигалка, паспорт.

- Не украли, - пробормотал он, - а то ведь запросто могли, на людном месте, в Покровско-Стрешневском парке, прямо у пешеходной дорожки на зеленой лужайке. Народ гуда-сюда, туда-сюда...

Сидор Иванович потянулся сладко, по-молодецки, от всей души.

- Скажите на милость, жарко-то как?

Он поправил носки, еще раз пересчитал деньги, которые Анюта дала на продукты, стал в уме прикидывать, как бы еще и на водочку хватило.

Страшное предчувствие охватило его, когда он подумал о своих дружках по выпивке. Он посмотрел на дорогу. Никого. Посмотрел на часы. Шесть... Бестолково потоптался на месте, стряхнул с помятых брюк листву, еще раз оглядел поляну, удивился, что никого нет, и зашагал по направлению к выходу. По пути он тоже никого не встретил и даже как-то заволновался, страшно ощущая какую-то пустоту не только в парке, но и в самом себе.

- Может, сейчас шесть утра? - подумал он, - но тогда почему я ничего не помню? А как же Анюта? Она меня просто-напросто не поймет. Она решит, что у меня появилась «сторопушка», так она называет любовниц.

Но, посмотрев в небо, Сидор Иванович рассмеялся. Солнце стояло высоко над головой, по небу плыли облака, ветерок шелестел верхушками деревьев. Вдруг он остановился.

- И чего это я делал в парке? - спросил он самого себя, - уснул почему-то. Да я только в детстве днем спал. И куда народ подевался?

С минуту он глядел на тропинку и вдруг понял: произошло что-то непонятное для него самого. Плюхнулся на траву, не в силах что-то предпринять, прежде чем он не ответит на единственный вопрос: если еще сегодня утром было восьмое октября и деревья начали желтеть, то по какому такому праву расцвели вновь эти дурацкие одуванчики? А на каштанах и вишнях появились белые цветы, и нежный аромат белой акации

тянулся от забора административного домика!? Что это происходит с ним сегодня?

- Ну, не с ума же я сошел? – прошептал он и замер в ошущении нелепого открытия. Он проглотил слюну, открыв рот, как птица, жаждущая питья.

- Нет! – заорал, что было мочи Сидор Иванович и бросился бежать домой.

- Сейчас прибегу домой, - успокаивал он себя, - Анюта накормит моим любимым гороховым супчиком.... Это уж точно помню... с утра договорились... Супчик с кусочками поджаренной свинины и с ... этими... с - суха... сухариками... Анюшка ждет меня, а я как дурак забрел зачем-то в парк, да еще и уснул там... смешная ситуация, черт возьми!

Но что это? Сколько бы он ни бежал из этого злополучного парка, он не может из него выйти?!

- Я хочу домой! – заорал он, - где здесь выход?

Никто не ответил. Только разом слетелись все серые вороны и уставились на него. Потом прилетели еще и еще, и Сидор Иванович, окруженный огромной стаей, закричал:

- Помогите! Милиция! Грабят! Кыш-кыш!

Чутко, как собака, насторожил уши и, пожалуй, впервые за всю жизнь услышал приятный, веселый, успокаивающий шелест берез... стук дятла... полет шмеля... Вот шлепнулась березовая почка у самых ног, и человек вздрогнул.

- Сегодня 2005 год, - лепетал он, суббота, восьмое октября, я по просьбе своей жены пошел в магазин за продуктами. Анюта ждет меня дома. Она очень хорошая, ласковая, никогда не кричит. Сегодня у нас суп... гороховый, и, если я задержусь, то Анюта может подумать, черт знает что! А когда она думает, черт знает что, то превращается в неприступную крепость и по неделям со мной не разговаривает, а это, поверьте, хуже всего на свете...

- Я хочу домой к Анюте! Я хочу горохового супа!

Сидор Иванович схватил какую-то палку, которая валялась под ногами и начал сокрушать все, что попадалось у него на пути: кусты акаций, старые пни, деревянные скамейки. Но больше всего досталось той самой березе, которой он любовался не-

сколько минут назад, а теперь с нее летели веточки, молодые почки, листья

- Ах, что он сделал? – закричал где-то женский голос, - он испортил мое новое платье! Оторвал все мои пуговицы и рюшечки! Откуда только взялся этот гомо сапиенс?

Услышав человеческую речь, Сидор Иванович немного успокоился, радостно вздохнул и стал смотреть, кто там стоит за березой, но никого не увидел.

- Не бойтесь меня, - спокойно проговорил он, - я вам ничего плохого не сделаю! Зачем вы прячетесь?

И Сидор Иванович даже воздел к небу сложенные руки:

- А что я с палкой бегал, так это я ненароком подумал, что... (он хотел сказать: сошел с ума, но передумал и заискивающе захихикал).

- Не подходите, хуже будет!

Хуже быть уже не могло. Не взирая на угрозу, он обошел березу и, никого за ней не найдя, с досады стукнул кулаком по стволу.

И вот тут-то началось нечто цевообразимое, чему нет названия, объяснения и понятия.

Вдруг кто-то свалил его на землю и стал хлестать ветками по лицу, по рукам, по спине и ногам. Целый ком травы был насильно впишут ему в рот, и он не мог закричать, позвать на помощь. Сколько ни старался Сидор Иванович встать с земли и дать под дых этой проклятой мегере, его старания были тщетны, но он явственно видел, как ветки спутывали ему ноги, как они переговаривались друг с другом крепче завязывать узел!

- Нет, - думал он, не веря собственным глазам, - просто мне не видно этого человека, а как хочется дать ему сдачи!

Ух, он вложил бы в этот свой удар всю свою силушку, какая ни есть!

Но тут он услышал гул пчел, у него зашипало в глазах, и по спине холодком прошелся страх. Где-то он читал, что рой пчел может довести до смерти. Он закрыл глаза.

- Ваш порядковый номер? – спросил мужской голос.

Открыв левый глаз, Сидор Иванович с ужасом увидел, что это говорила одна из пчел, которая сидела на ветке, прямо перед носом.

- А ведь я не пил сегодня ни грамма, - заметил про себя Сидоров.

- Ну и что! - возразил все тот же голос, - это не дает вам право нарушать наш природный порядок!

- Так он еще, подлец, мои мысли читает? - подумал Сидоров, - эх, жаль, что я связан, с кляпом во рту, к тому же лежащий...

- Развязать! Убрать кляп! Поставить на ноги! - скомандовал кто-то, и Сидорова подняли.

- Ваш порядковый номер? - вновь спросили его.

- Номер? Мое имя Сидоров Сидор Иванович, - осклабился он, глупо улыбаясь.

- У него нет номера! Он не зарегистрирован! Немедленно поставьте его на учет!

И вот тут поднялся во весь гигантский рост одуванчик, и Сидор Иванович с перекошенным лицом стал наблюдать, как тот выписывал номер у него на руке: пять троек, две двойки и длинный перечень других цифр.

Теперь-то стало ясно, что он все-таки сошел с ума... У Сидорова загудело в ушах, и он рухнул на землю, как подкошенный.

Когда он пришел в себя, то увидел, что находится дома, в своей постели. Сидор Иванович сразу понял, что весь этот бред в парке всего лишь сон. Аня смотрела на него и держала в руках чистое полотенце.

- Я тебе, Ань, сейчас такой сон расскажу, со смеху умереть можно! Представляешь, снится мне... А ты суп сварила?

Аня подала полотенце и жестом указала на ванную.

- Представляешь, Ань, - весело и бодро говорил Сидоров, намыливая себе лицо, - вижу сон, будто я уснул в парке, а там старая такая береза у входа, видела, небось, сто раз, так она меня ветками всего исхлестала! Хо-хо! А я убежать, значит, не могу никак, и тут пчелы спрашивают: ваш порядковый номер?

Сидор с удовольствием облился холодной водой из тазика, взглянул на себя в зеркало, и осекся... Его лицо было все в ссадинах, укусах и кровоподтеках! Кроме того, он заметил на руке какой-то знак и цифры, ну совсем, как в его сне.

- Ешка-морощка, - простоил Сидоров, - кто-то мне втихаря татуировку сделал... или, может, приклеил?

Он попробовал все это отмыть, но, увидев бесполезность своего труда, оцупил руки, сел на табурет и вперил взгляд в серебящуюся струю воды.

«Значит, это был не сон!? А что?» Сидоров выглянул в окно. Ни души. Пустые лавочки, песочницы, качели. Ни машин, ни людей, ни детских голосов. Стояла непривычная подозрительная тишина. Комната Анюты была пуста, не было ее ни на кухне, ни на лестничной площадке. «Анюта! Аня!» Он вернулся на кухню, открыл крышку кастрюли. Никакого горохового супа....

Сидоров сел прямо на пол и закрыл лицо руками.

Когда он очнулся, то увидел себя ... в зале суда, за решеткой, на скамье подсудимых.

Под зеленым знаменем, на котором был изображен лев и комар, за огромным столом, на стульях с высокими спинками сидели судьи в красных мантиях и судейских шапочках. Они склонились над своими тетрадами, но когда подняли свои головы, Сидоров увидел головы зверей... А в зале суда было нечто такое, чему он не мог дать определение. Пожалуй, это был конец света!

Повсюду: на стульях, под стульями и над ними сидело, порхало и ползало то, что называется флорой, фауной и земноводными.... Сидоров зажмурился и втянул в себя плечи. Гримаса отвращения застыла на его лице. Мысли сверлили, точили и пытались понять происходящее.

Неожиданно он пришел в состояние полной апатии и безразличия.

- Надо успокоиться, - начал рассуждать он более трезво, - очевидно, это единственный выход... Буду принимать все, как есть.

Он безвольно оглядел еще раз зал, стало невыносимо смешно, и Сидоров стал хохотать тем гомерическим хохотом, от которого становится страшно и жутко.

- Встать, - раздался чей-то голос, - суд идет!

Открылась дверь и, страшно рыча, вошел царь зверей – лев. Он поднял лапу, и вот тут началась такая какофония, что у Сидора Ивановича встали дыбом волосы, глаза сделались круглыми, как пуговицы, а вместе с тем его сознание изучало, контролировало и запоминало эти странные моменты его новой жизни.

Весь зал заполнился звериными и птичьими криками: ухали совы и филины, рычали шакалы, волки, рыси, мяукали дикие коты, шипели змеи, свистели птицы, расправив свои крылья перед правосудием, а все ужи, ящерицы и вараны пытались встать перед судьями на кончики собственных хвостов.

- Надо же! Совсем, как у людей, - подумал Сидоров, - перед судьями гнут свои хребты. Интересно, а как они дают судьям взятки? Яйцами?

- Перестаньте, гомо сапиенс, думать глупости, - раздался чей-то голос.

- Это вы мне? – Сидоров удивленно обвел всех взглядом, - у меня есть имя, - начал он, но его тут же перебили.

- Ваше имя не играет никакой роли, - пояснил все тот же голос над ухом, - сегодня решается ваша судьба, вы обвиняемый!

- Слушается дело..., - далее следовал длинный порядковый номер... Вы обвиняетесь в нарушении общественного порядка нашей Земли...

Далее следовал целый список личных его проступков. Выслушав весь этот бред, Сидоров рассмеялся, но лучше бы он этого не делал, так как все присутствующие начали на него орать, твякать, чирикать и визжать, что у него чуть не лопнули перепонки.

- Внесите потерпевших, - приказал кто-то. Тотчас внесли березовые ветки, несколько пожухлых одуванчиков и положили перед ним.

Сидоров с интересом ждал, что будет дальше.

- Узнаете?

- Я не хочу отвечать на ваши дурацкие вопросы.

Сидоров встал. Но когда снова сел, то заорал от боли. Что-то очень колючее вшилось в его ягодицы. Он посмотрел на лавку и увидел обыкновенного ежа. К тому же тот погрозил своей короткой лапкой и тоненьким голосом заявил:

- Придется отвечать, проклятый гомо сапиенс!

- Мне нужен защитник! – закричал Сидоров, вспомнив «темную» в парке.

- Не возражаю, - ответил прокурор и, посмотрев под стол, тихо что-то приказал. Вышла собака такса. Она прыгнула на стол и женским голосом сказала:

- Обещаю быть предельно справедливой по отношению к обвиняемому. Должна заметить, что я долго служила людям, знаю все их привычки и слабости. Что я могу сказать о человеке, который находится перед нами? У него несколько заторможенная структура поведения. Он принадлежит к отряду гомо сапиенс, среднего типа, с заниженной самооценкой. Несмотря на то, что он учился десять лет в школе и три года в техническом училище, его знания составляют всего 15%. Но уверяю вас, такова основная масса гомо сапиенсов. Они не стремятся к знаниям. Они невежественны даже по отношению к себе.

- Вот сука... - пробормотал Сидоров, и это не осталось незамеченным.

- Вы сами изволите видеть, что словарный запас этого человека весьма ограничен и засорен непонятными зашифрованными словами.

Далее пошел весь сленг нецензурной, отборной брани и матерщинных слов, какими всегда выражался Сидоров.

- Они даже к нам, представителям отряда животных, - продолжала такса, - проявляют, как бы помягче сказать, неуважение и жестокость.

- Неправда! Собак я всегда уважал, - решил вставить слово Сидор Иванович.

- Да, это правда, но по отношению к другим животным их поступки просто возмутительны! Они едят мясо коров, телят, свиней, оленей, зайцев, птиц!

- Усыпить его! – закричали голоса. Лев позвонил в колокольчик, призывая к тишине.

- Кроме того, что они обжорливы, едят рыб, птиц и животных, они из наших шкур шьют себе шубы, шапки и сапоги!

Раздался недовольный ропот, возмущенные возгласы и даже всхлипы.

- Но я должна заметить, - продолжала такса, - что человек, имея все, склонен к ламентации...

- Выражайтесь яснее! - попросил Сидоров, опасаясь подвоха.

- Слово ламентация означает жалобу, сетование, недовольство. Этот род очень слаб, и я прошу у почтенного судьи снисхождения именно к этому гомо сапиенсу. Хочу напомнить также, что обвиняемый работал в зоопарке и ухаживал за медведями. Вот его трудовая книжка и документы, подтверждающие этот факт.

- Уже теплее, - обрадовался Сидоров.

- Слово главному обвинителю, главнокомандующему общеглобального фронта Земли, - заявил чей-то голос.

- Небось тигр или буйвол, - подумал Сидоров, но он ошибся. Это был маленький кровососущий поденковый комар. Сидоров как-то затаенно улыбнулся и посмотрел на знамя. Комар подлетел к нему и укусил за щеку. Сидор Иванович ударил себя по щеке, но промахнулся.

- Видите, реакция человека очень слаба, и вообще этот род слабый, но вреда от него очень много!

Комар летал по комнате и шил о том, как много вырубалось леса, сколько сжигалось на дрова, сколько изгажено рек, сколько построено ненужных заводов и сколько разворочено земных недр...

- Дошло до того, что эти противные гомо сапиенсы научились летать на космических кораблях и принялись мусорить верхние слои атмосферы! Они запускают космические корабли на другие планеты.

- Ничего нового. Все это сто раз говорилось журналистами, - подумал Сидоров.

- Вас шикто не просит об этом думать! - прервал его мысли комар, - хорошо, что после флоро-фаунистического восстания мы победили, и сегодня с большой радостью отмечаем годовщину со дня победы! Ура!

Раздались радостные крики, счастливые возгласы и шум, который прервал лев, призывая всех к порядку, а комара он попросил излагать мысли ближе к делу.

- Флоро-фаунистическое восстание? – закричал Сидоров, - фантастика и чушь собачья! Чего вы мне голову морочите.... я болен.... Я сошел с ума.... Помогите...

Все дружно засмеялись. Потом лев прочитал приговор, в котором сообщалось, что его продадут в человекопарк.

Сидоров равнодушно и безучастно сидел на скамье и чистил ногти пилочкой, которую отыскал в кармане брюк. Ему было все равно, куда его повезут, и что с ним будут делать. Сумасшедшим все это до лампочки...

Но тут он вспомнил Анюту, и сердце его защемило.

Дали последнее слово. Сидоров встал и швырнул свою пилочку сквозь решетку. Она приплась как раз в лоб одному из судейских заседателей. Тот взвыл.

- Разве так можно себя вести? – спросил комар.

- Можно... я сумасшедший, а таким все прощается, - развязно произнес Сидоров.

- Последнее слово? – Сидоров отвел в сторону глаза. – Мне хочется видеть мою жену Анюту и... горохового супа.... Все. Больше желаний нет.

Суд закончился. Его заставили понюхать какую-то траву, и Сидоров заснул.

- Проснитесь, ну, проснитесь же!

Сидор Иванович открыл глаза. Мужчина с бородой тряс его за плечо.

- Кто вы?

- Ученый. Тряпкин Федор Федорович.

- Вы тоже сумасшедший?

- Уверяю Вас, я нормальный человек. Так же, как и вы.

- Но ведь это сумасшедший дом, не так ли?

- Это человекопарк, - ученый помог Сидорову встать, - давайте знакомиться.

- Сидоров, - буркнул он, - Сидор Иванович.

- Сидор Иванович, я вам все объясню.

И ученый рассказал про войну с человеком, про усыпляющую траву, про войско комаров, львов и всей фауны, что произошло двести лет, и произошло сильнейшее землетрясение, после чего животные, растения, птицы неожиданно обрели дар речи и человеческий разум.

- Двести лет? – переспросил Сидоров. – Я что, бессмертный?

- Нет, просто долгое время вы находились в замороженном состоянии.

- А моя Анюта? Где она? Ее больше нет?

- Не волнуйтесь, возможно, она жива. Но это не играет никакой роли. В настоящее время люди бессильны что-либо изменить. Хорошо еще, что нас кормят. А жизнь собачья. нас держат в клетках, как зверей в зоопарке.

Оглядевшись, Сидоров увидел огромную клетку, несколько мужчин, а за перегородкой находились женщины.

- Этих женщин привели для размножения в неволе.

- Скажите, а вы сами давно здесь?

- Давно. Лет тридцать. Уже освоился и принимаю все, как есть.

- Тридцать лет... вы в клетке?

Ученый кивнул.

- Я раньше в зоопарке работал, - произнес Сидоров, - за зверями ухаживал. Кормил их, расчесывал, приручал...

- Моя профессия тоже связана с животными, - ответил ученый, - а вон та молодая женщина с косой, - Тряпкин указал на женскую половину, - она дрессировщица тигров, а та, что спит у нее на коленях, ветеринар. Стало быть, людям, жизнь которых была связана с животными – оставляют жизнь.

- Значит, у меня есть надежда, что моя Анюта найдется, ведь она была орнитологом, - обрадовался Сидоров.

Наступил день. Человекопарк открылся. Всюду стали появляться животные: и звери, и птицы, и прочие рептильные мерзости.

Сидоров, вцепившись руками в железные прутья клетки, вытянув вперед шею, словно гусь, впился глазами в эту странную аудиторию, жадно рассматривая, как все звери подходили дос-

таточно близко, с любопытством разглядывая людей. К тому же они доставали из своих сумок блокноты и что-то записывали.

- Совсем, как у людей, - простонал Сидоров, - как же от этого мы не сошли с ума?

- Половина нашего человечества лишилась рассудка..., а у кого нервы покрепче, те выжили.

- А дети?

- Все до единого живы и даже счастливы, все животные обходятся с ними прекрасно. Звери играют с ними, воспитывают, обучают. Даже у старших детей адаптация прошла достаточно быстро.

- Странные у них записные книжки... - сказал Сидоров, наблюдая, как один шакал достал тетрадь и что-то записывал, - из чего они их делают?

- Только не пугайтесь. Они из человеческой кожи.

- Что?! - Сидоров выпучил глаза, подошел к ученому.

- Шутите, да?

- Нет. Не шучу. Но, уверяю вас, что все звери очень избирательны и справедливы, и хороших людей они способны отличить от плохих. Кроме того, они больше не воюют между собой, не грызут друг друга, ведут себя... даже можно сказать лучше, чем люди. Сами посмотрите!

Подойдя снова к решетке, Сидоров стал более внимательно изучать посетителей. Прямо перед ними стояли рядом шакалы и антилопы, лисы и зайцы, тигры и тушканчики. Никто никого не кусал, никто ни за кем не гонялся, все были спокойны, деловиты и любопытны. Никто никого не торопил, не делал замечаний. Все были внимательны, доброжелательны, оказывали предпочтение маленьким зверушкам, пропуская их вперед, осторожно осматриваясь, чтобы не наступить. Расступились перед слонем, спокойно ждали, когда тот насмотрится. А вот к самой клетке подошла стая бурых медведей, и у Сидорова защемило, заныло сердце. Он вспомнил, как работал в зоопарке, как дорожил этой работой.

- Чирдонь! - крикнул он. Потом, обернувшись, объяснил, - это я свои слова им выдумывал, которые действовали на их мозг. Как услышат чирдонь, так ложатся на землю.

- Смотрите! – раздался взволнованный голос ученого, - они почему-то все до одного легли!

Сидоров взглянул и снова крикнул:

- Чирдонь!

Тут у клетки собрались, по крайней мере, около тридцати медведей и все легли около клетки.

Люди переглянулись. Чтобы это могло значить? Что за магическое слово, почему оно так действует на их мозг?

- Стойте! – Сидоров взъерошил свои волосы, - мы ведь можем с ними говорить! Они нас хорошо понимают! Даже наши мысли читают! Я это точно знаю!

- Тогда приведите в порядок свои мысли, - вставил слово ученый, - а то у вас там одни эмоции, а эмоции они, насколько я понимаю, не восприимчивы.

Сидоров напрягся, сделал серьезное лицо, закрыл глаза и, чеканя каждое слово, мысленно произнес: «Объясни слово – чирдонь»

К нему подошел старый медведь, тронул его за руку и прошептал:

- Это вы знаете наш «родовое» слово?

Сидоров проглотил слюну и кивнул головой.

- Кто вы? Расскажите о себе, - доброжелательно попросил медведь.

- Сидоров я. Работал в зоопарке. За медведями ухаживал. Слова придумывал.

- А я самый главный в нашем роду. Мы вас знаем. Мой пра-пра-пра-пра... прадедупка рассказывал о вас и вашей жене.

- Топтыга?! – Сидоров даже подскочил на месте от радости, - Черт возьми, кто бы знал, что я попал в летопись медведей, а? Помогите разыскать мою жену Анюту. Она, возможно, жива, потому что была орнитологом.

- Я постараюсь, - твердо сказал старейший медведь, и они скрылись.

- Ну, что? – спросил ученый.

- Они обещали помочь мне найти Анюту! Мою жену... я им поверил! – Сидоров тяжело дышал.

- Не волнуйтесь так, - предупредили его, - это опасно, потому что вы можете привлечь внимание наблюдателей. Эмоциональных людей умерщвляют...

- Да, да... я спокоен, спокоен. Я... спокоен, - безумно твердил Сидоров. Но было уже слишком поздно. Адаптеры засекли его клетку и тысяча комаров с нагнетающим писком уже летела полчищем. Сидоров упал. Пополз в конуру, притаился спящим. Его окружили.

- Именем Льва Сорок Пятого приговариваем гомо сапиенса из клетки № 66 к покусанию! Приговор исполнить незамедлительно! - и все комары до единого бросились на Сидорова!

- А-а-а! А-а-а! - орал он что было мочи.

- Сидик, ты что? Проснись! Ну!

Сидоров открыл глаза. Над ним в своем голубом пеньюаре склонилась Анюта.

- Анюта, - прошептал он, - не надо, ради Бога, не надо так эмоционально кричать, иначе эти проклятые комары нас искусают...

Он обнял ее. Гулко забилося сердце от счастья, от встречи.

- Спасибо медведям, они мне помогли найти тебя... Это я их попросил, понимаешь? - объяснил он Анюте.

- Не понимаю, - растерянно говорила Анюта, сделав круглые глаза, - при чем тут комары и медведи, а, Сидик?

- Ну, как же! Они и тебя разморозили...

- Меня? Ты что, с ума сошел? - Анюта покрутила пальцем у виска.

- Сначала думал, что я сумасшедший, а после суда мне один ученый Тряпкин объяснил, что к чему...

- Что он объяснил?

- Ну, как же! Про флоро-фаунистическое восстание...

- А ну дыхни! - приказала Анюта, сощутив свои хорошенькие глазки.

- Ты что, Анюта, я двести лет не пил... А как они тебя отпустили, расскажи?

И тут Анюта расплакалась, побежала вызывать "скорую", соседей и маму, которая жила совсем недалеко от них.

- Что это за шум за окном? - Сидоров выскочил на балкон. Шумели машины, играли дети в старой песочнице, на скамей-

ках расположились бабушки, в кустах сидели бомжи и пьяницы, лениво бродили бродячие собаки, прямо над головой пролетел самолет...

- Анюта, а ты сварила гороховый суп?

- Да, сварила. А что? – Анюта пытливо всматривалась в супруга, пытаясь понять, действительно ли он сошел с ума? Или ей это показалось.

- Слава Богу, - засмеялся Сидор, - я все понял, - мне такое приснилось! Сейчас расскажу, со смеху умрешь...

Послышался звонок в дверь.

- Кто это может быть? – забеспокоился Сидоров.

- Я по телефону вызвала соседей, маму и "скорую", - выпалила Анюта.

- Очень хорошо... - успокоился Сидоров. – Значит, все в порядке! Надеюсь, что горохового супа хватит на всех! Кстати, где моя новая пыжиковая шапка?

- Зачем она тебе? Вот она.

Сидоров судорожно оторвал этикетку и сбросил шапку с балкона.

- Я в берете буду ходить. Не сердись, просто я кое-что понял из своего страшного сна.

РАЕЧКА

Довелось мне несколько лет назад посетить одну сибирскую деревню Прокопьево, где родилась моя мама. Дай, думаю, зайду на деревенское кладбище. И хотя я не знаю, где захоронены мои прабабки и прадеды, однако поброжу и мысленно побеседую с ними. Люди говорят, что это необходимо сделать, чтобы жизнь наладилась. Сопровождал меня мальчик лет девяти. Смешливый, бойкий, обо всех все знает, рассказывает. Заметила я в одной оградке какую-то женщину. Подошла, поздоровалась. Мы разговорились, и вот какую историю я от нее услышала....

- У Раечки жизнь не складывалась с самого начала. Была она горбуньей. Мать рано умерла, отец собрал нехитрые вещички, привез ее в деревню ко мне, она моя крестница, а сам, вот уже который год никаких вестей не шлет и не знает, что Раечки больше нет...

Женщина заплакала, погладила морщинистой рукой выцветшую фотографию на граните, тяжело вздохнула, потом продолжила:

- А у меня своя дочка Гея. Они быстро сдружились, ну просто не разлей вода. Играли вместе, из одной тарелки ели, делились первыми радостями и нехитрыми тайнами. Потом вместе и в школу пошли. Все было отлично до той поры, пока Гея не влюбилась в сына лесника. Стала Гея моя веселой, словно кузнецик, и все норовила про своего жениха рассказать, только Раечка слышать о нем не хотела. Обиделась насмерть и начала запирается в маленьком чуланчике, где хранилась мука да крупы всякие. Одним словом – отшельницей себя объявила. Соорудила себе там кровать, стол и писала письма Гее, хотя Гея в другой комнате находилась. Сначала мы ее уговаривали, объясняли, а потом махнули рукой...

Раечка потом перешла на стихи. Грустные, кричащие, обиженные. От стихов потянулась к рассказам, а когда Гея выходила замуж, Раечка заканчивала роман. Купила я тогда на рынке старую печатную машинку, и девушка с утра до вечера печатала на ней, отлучаясь иногда то в церковь, то на прогулку. И все-то

одна... Без родителей, без друзей, без Гей. Неулыбчивой грустной тенью бродила она по дому, по огороду, по саду. Единственной радостью служила ей тетрадь, ее роман, который она назвала «Чуланчик».

В общих чертах она рассказывала историю горбатого мышонка. Я считала этот роман сплошным бредом больного ребенка...

Я делилась со своей соседкой Катериной: «Живет в чулане, с нами общается мало. Ведь подумают люди, что, дескать, за прислугу держат... Стыд-то какой!»

Как-то председатель совхоза приходила, увидела ее в чулане, так аж руками всплеснула! «Бессердечные вы люди, - говорит, - ведь она, бедняжка, в чулане вашем, как Золушка! Стыдно должно быть! Ведь она сирота, горбатая к тому же! Вот ваша дочь замуж собирается, и приданое есть, а кто о Раисе позаботится?»

- Да она сама так решила, - оправдывалась я, - понимаете, Раиса там роман пишет.

- Какой роман?

- Про мышонка, - отвечаю, - про горбатого мышонка.

- Боже мой! Может, она голодная, да мышей там ест? Вы ее хоть кормите?

- Да, конечно же, кормим! К тому же она пенсию получает, так я на ее книжку все до копейки складываю! Да она мне как дочь родная, с трех лет у меня живет. Обидно мне такие слова слушать... не заслужила я их.

Председательша-то помолчала немного, а, уходя, виновато так произнесла:

- Вы уж извините, ситуация странная. Да к тому же Раиса вон, какая худая.

Расчка и впрямь в свои восемнадцать лет казалась изможденной девочкой: худа, под глазами мешки, лопатки, плечи торчат. Доктор как-то посмотрел: «Везите в Крым ее, - говорит, - ей на море нужно!» Ну, какое море? У меня скотина, хозяйство, огород, девка на выданье...

Я тогда, верите ли, навзрыд плакала! Вот ведь как... Боишься молвы, старасься изо всех сил добро сделать, а придет человек и «свое» подумает...

Женщина замолчала, думая о чем-то. Я ждала, переминаясь с ноги на ногу, разглядывая ее грустное морщинистое лицо, высокий лоб, седые волнистые волосы под черным платком.

- Прощу Вас, расскажите, что же дальше? – спросила я.

- Дальше? – словно опомнясь, произнесла она, – что же дальше... Гея моя сельскохозяйственный техникум окончила, замуж вышла. Появился малыш. Все, как у людей. Коленкой назвали, в честь моего мужа. Он егерем был..... в тайге сгорел, когда пожары бушевали.... Царство ему небесное, – произнесла она, крестясь, – давно это было. Ну, вот наша Раечка свой чулан-то оставила, писать забросила и неистово занялась малышом, да так рьяно, что люди терялись в догадках, чей это ребенок. И пеленает, и купает, и гуляет. Дошло до того, когда Гея как-то малышка шлепнула, а у Раечки припадок случился. Бросилась она на Гею с кулаками, каталась по земле, дико кричала.... Мы даже «скорую» вызвали. Она лежала в больнице, подлечилась, стала приветливее, даже веселее. При нас она сдерживала свои эмоции, пеленает, купает Коленку, да все с прибаутками, веселыми песенками, но едва мы уходили из дому, вот тут все и начиналось...- женщина перешла на шепот, – разделенется донага и прикладывает малыша к своим грудям. Малыш соски ее хватает, сердится, что молока нет, а Раечка хохочет, гладит мальчика по головке, целует его, да нежно приговаривает: «Ангелочек мой, вижу, вижу крылышки твои ангельские, котик мой, ягодка моя, радость моя!» И сколько в этих словах искренней ласки, нежности. Смотрит на Коленку и насмотреться не может... Это я в окно за ней наблюдала, просто диву давалась. Никогда ничего подобного не видела... А дальше вот что произошло. Гея с мужем получили комнату в городе, собрались и уехали, а Раечка бродила из угла в угол, места себе не находила, осунулась и все-то спрашивала, правда ли, что Коленку заберут?

Когда пришла пора мебель да вещи увозить, она и совсем «сдвинулась». Два километра за машиной бежала, пока не упала на дороге. Там я ее и нашла. Очнулась, голосила точно по покойнику!

- Как я без Коленки жить-то буду! Не могу без него! Напишите, чтобы привезли!

А сама словно чумная сделалась. Не ест, не спит, совсем извелась... Сидит в детской комнате и молчит.

А спустя два месяца она из города внука привезла.

- Чего, - говорит, - ему в яслях делать, - пусть в деревне живет, воздухом дышит, вон как тут хорошо! Да все с огорода, молоко, яйца, все свое, натуральное.

Я тоже рада, что отпустили Коленьку. Лето ведь. А через три дня объявление в газете: «Исчез годовалый мальчик», адрес и телефон моей Гей.

Вот тут в первый раз я Раечку ударила. А она даже не отворачивается. Хлещу ее по щечкам, а Раечка приговаривает только:

- Сильней, тетенька, бейте! Сильней! Да хоть убейте! Не жить мне без Коленьки! Одна отрада на этом свете – этот мальчик!

Женщина замолчала, поправила волосы, тяжело вздохнула и стала смотреть куда-то вдаль. Спокойное лицо ее было красиво. Голубые глаза вместе с ее душой были где-то далеко-далеко. Была в ней странная покорность судьбе. Она принимала все свои события как должное, как нечто, данное ей Богом. Ее жизнь текла не бурной рекой, не веселой речушкой, а тихой, спокойной заводью, без борьбы, революций и страданий. Не было в ней стремления разбогатеть, обмануть, выставить себя в лучшем свете. Бесхитростная душа с легкостью понимала других и брала на себя чужие заботы, думала и помогала тем, кто был рядом. Есть еще такие люди, оказывается, которые наделены такими качествами, как мудрость. Живут, никого не осуждая, по божьему закону: «Помогай тем, кто рядом»

- Что же было дальше? – поинтересовалась я.

- А что дальше... Милиция, «скорая», несчастные Гея с мужем, соседи, понятые. Был суд. Приговорили Раечку к восьми годам лишения свободы...

- Да что ж так много? Не куда-нибудь увезла, к родной бабушке, - изумилась я.

- Раечка сама себя осудила своим признанием.

- В чем же она призналась?!

- А вот встала на суде и говорит: «Судите меня по всем правилам... Потому, как задумала я убить Гею и ее мужа!»

- Быть не может, - вырвалось у меня.

- Я тоже сначала подумала, что с горя наговаривает на себя. Да только все, что она сказала, подтвердилось...

- Неужели?

- Истинная правда! Прямо на суде и заявила: «Приобрела я крысид, да так спешила к Коленьке, что где-то его оставила. Может, дома, может, на автобусной остановке, не помню...»

- Ну, и нашли?

Нашли в чулане. А Колю, она тогда из яслей потихоньку украла, и никто не видел, в сон-час....., а когда Раечке слово последнее дали, она ко мне обратилась: «Тетенька, знаю, что не простите меня. Вот чем я отплатила за ваше добро... Только умоляю, разрешите мне писать письма?»

Вся деревня на меня смотрит, а я молчу. Перед людьми стыдно. Не хотела перед всеми признаться, что больше не хочу ее видеть.

- Ну, - кричит она мне, - что вы мне не отвечаете? Вы согласны? Да?

Вот тут меня и прорвало.

- Раечка! Отныне наши пути навсегда разошлись! Видеть тебя не желаю! Твоих писем читать не буду, не старайся! Вон, какую змею пригрела, люди добрые!

- Тетенька, я на вас не обижаюсь... Только, ради Христа, разрешите Коленьке писать, как подрастет, умоляю! – и с таким отчаянием смотрит то на Гею, то на ее мужа, то на меня.... и тут я так сказала: «Когда наш Коля подрастет, он никогда не узнает о тебе, скажу, что тебя не было! Не было! Не было!»

А Раечка руку на грудь положила, да как закричит, словно ее ранили глубоко. Помню, ее двое конвойных под руки взяли, она идти не может, так они Раечку волокут, а она голову повернула, на меня глядит... В глазах ужас! Потом она как-то присела, ноги, видать, подкосились, глянули, а она умерла...

Женщина издала такой тяжелый вздох, что мне стало не по себе.

- Моя это вина. Я этими словами Раечку-то погубила.. Вот она, голубка, лежит здесь, а слова ее до сих пор звучат во мне. Как-то приснилась она мне – вся в белом, с крыльями, на облаке спустилась да все про Колю нашего спрашивает.

- Что же, ваш внук знает про нее?

- Теперь знает. Когда в армию уходил, мы ему все рассказали. А теперь он, как придет, первым делом на кладбище идет. Ну, а я – так почти каждый день прихожу. И зимой, и летом. Приду и все-все рассказываю ей: про себя, про Гею, про зятя и про Коленьку. Она про нас все знает...

Женщина в черном встала, попрощалась со мной, дотронулась рукой до фотографии и пошла, не оглядываясь, по тропинке в деревню.

А я долго смотрела ей вслед и думала о превратностях судьбы, о всепрощающей любви.

СИЗИФОВ ТРУД

Почти вся зима стояла без снега, и вдруг март сошел с ума! Две недели подряд шел снег, не переставая! Все лавочки, кусты, машины так завалило снегом, что не подойдешь никаким боком. Сугробы образовались, да такие огромные, во весь человеческий рост! Испуганные мокрые вороны вертят своими головами. Недовольны! А кто доволен? Мелкие птицы в лес улетели, в гнезда попрятались, собаки обычно любят погулять, а тут тянут хозяев в дом. Сердитые дворники с пяти часов утра скребут лопатами снег. Жвух! Жвух! Работают в поте лица, иначе к десяти не управиться. Зато потом целый день дома сиди!

- Тонька! Ну, что ты спать не даешь людям, а? Скребешь и скребешь, словно ножом по сердцу! – кричит маленькая строптивая старушка со второго этажа. А Тоньке палец в рот не клади. Закинула голову, театрально отставила лопату, головой покачивает, сразу видно, кто здесь хозяин.

- Окошечко закройте, так и не слышно будет, подумаешь, барыня в дырявом халате. Ты спи, а я свое дело буду делать.

Тонька действительно работала ловко, с усердием, с понятием. И никакая непогода ей нипочем. Все равно каждое утро, в вечернем макияже она появлялась во дворе то с метлой, то с лопатой, то с киркой. Вызывающе поглядывала на прохожих. Ее насмешливые глаза не умели скрывать зависть и неприязнь, поэтому частенько возникали короткие стычки то с соседями, то с прохожими... Она заметно выделялась среди других молчаливых дворников. Говорят, что раньше жила она в небольшой деревушке под Рязанью, танцевала в клубе. Вопреки уговорам своей матери приехала в Москву. В институт не попала, помыкалась, да и устроилась работать дворником. Некрасивая, коренастая, с расплывчатым, скуластым лицом, с маленькими глазками серого цвета. Но умение танцевать отличало ее от других подруг на работе. Задиристый характер заезжей деревенской девушки многим даже нравился. Особенно начальнику ЖЭКа. Смекнула Тонька, что этот уже немолодой человек, который ей годился в отцы, поможет ей обрести равновесие в этом огромном столичном городе.

При нем она казалась моложавей и привлекательней. На вечеринках она лучше всех танцевала и быстро стала первой «фа-

вориткой!» Теперь она ни в чем не нуждалась. У нее было временное жилье, забитый до отказа холодильник (стараниями Ивана Ивановича). Какой ни есть, а мужчина. Тонька почувствовала себя почти счастливым человеком.

Конечно, ей, как всякой женщине, хотелось иметь постоянное жилье, настоящего мужа, любимого... Но где же его найти?

Зато теперь она уже не мела улицу, а сидела в канцелярии, возилась с бумагами и, хотя писала с ошибками, некрасивым почерком, наклоненным влево, и одевалась старательно ярко и несколько вызывающе, зато ей нравилось находиться в центре внимания, и она его получала. Все старались угодить Ивану Ивановичу. И когда, с большим опозданием, Тонька, то есть Антониды Трофимовны, появлялась, наконец, на работе и проплывала в своем спортивно-романтическом наряде мимо надоевших ей посетителей, то никто не смел ей высказывать свое мнение по поводу опоздания. Иначе разобиженная Тонька (она была человеком крайних мер) добьется наказания тому, кто «посягнет»! И ей прощалось многое. И то, как она устраивала словесные разборки среди работников канцелярии, и то, как смачно она облизывала свои растопыренные короткие пальчики во время обеда и банкетов, даже празднование ее именин на казенные деньги. Они с Иваном Ивановичем постоянно ездили на курорт по настоянию Антониды Трофимовны.

Нелегко распрощаться с этой ролью первой «фаворитки», но пришлось. И вовсе не потому, что Иван Иванович завел другую женщину, а потому что Ивана Ивановича уволили за взятки. Мириться с таким поворотом судьбы она не могла. Утешать других она разучилась, да и не было такой необходимости. Жизнь перестала казаться раем. Трехкомнатную квартиру, которую она незаконно занимала, пришлось оставить и поселиться со своим сыном в коммуналке, а в холодильнике вместо икры, семги и окороков теперь лежали только сосиски. Исчезла вся мягкая мебель, взятая для нее начальником в ЖЭКе. Да и чего греха таить – Тонька всегда сама распоряжалась, куда отвезти новую мебель.

И вот сидит она на грубо сколоченном ящике, спит на каких-то досках, положенных на кирпичи. Ни телевизора, ни магнитофона. Все это было временное, непостоянное, чужое: исчезли и

квартира, и мебель, и мужчина. Сыну Ивана Ивановича исполнилось десять лет, а брак они так и не оформили. Начальник не предлагал, а Тонька не настаивала. Ей тогда было и так хорошо. Теперь же в ее характере появилась озлобленность.

- Не хочу больше слушать, - выговаривала она Ивану Ивановичу. Он стоял жалкий, ссутуленный, и с грустью смотрел, как Тонька метет улицу, не метет, а словно танцует. И в ее движениях столько непривычного отчуждения и театральности, что сердце дрогнуло, и едкая подозрительность завертелась в голове и заскребла душу, как эта вот лопата...

- Когда начальствовал, - робко начал он, - то нужен был тебе. Удобно ведь? Поездки, курорты, подарки...

Тонька поджала губы. Презрительно оглядела его с головы до ног.

- Молодость ты мою сгубил. Вон, пацан твой растет незаконнорожденный! - Тонька в сердцах воткнула в снег лопату.

- А ну, бывший начальник, освободи дорогу! Ходят тут всякие, а дети - безотцовщины... у, ирод! - и она зло засмеялась.

В ее смехе было столько задора и былой привязанности, что Иван Иванович чуть было не расплакался.

- Тонь, я за эти годы очень к тебе привык. Ну, хочешь, заявление подадим в загс. Хочешь? - пытливо спрашивал он, заглядывая ей в лицо, стараясь предугадать ответ.

Сколько раз Тонька ждала этого предложения. Вот, дождалась... Но почему тогда нет той радости, восторга, этого счастья... Женского счастья... Ведь вот оно! Протяни только руку, обними его за это. Ведь мечта сейчас может сбыться!

- Уйди! Лопатой огрею!

И Тонька сильно, с остервенением ударила лопатой Ивана Ивановича.

- Не уйдешь - убую! - пригрозила она.

Взгляды их встретились. Один - рассеянный, удивленный, отчаянный.

Другой - презрительный, искаженный гневом, совершенно чужой... И, впервые, у «начальника» будто спала с глаз пелена. Он вдруг увидел, до чего у Тоньки некрасиво расположены нос, рот и глаза. И вспомнил разжалованный начальник, как в красном уголке ЖЭКа она исполняла татарский танец, и полюбил ее

сразу и бесповоротно. Он тогда на следующий же день устроил мнимый день рождения, выписал себе счет, купил шампанского и еды, тогда еще молоденькая Тонечка благодарно к нему прижималась. Так продолжалось каждую субботу несколько лет подряд. Он привык к ней, привязался, да и она как-то похорошела, повеселела. Счастье улыбнулось им. Вот тут бы и пожениться! Но что-то мешало. Возможно, то, что Тонька пошла на близость как-то уж очень легко, и ему не давали покоя щекотливые подозрения, а, может быть, не хотелось жениться на некрасивой девушке. Хотя, если бы Тонька настояла, то, скорее всего, они бы давно поженились. Но она молчала и никогда не заводила разговор о замужестве. Только спустя десять лет взяла и родила ему сына. Но это лишь разозлило начальника. Он тогда долго не встречался с Тонькой. Но как-то увидел четырехлетнего мальчика, дрогнуло сердце... Пришел к ней. Она, ни слова не говоря, приняла. Бог дал им вторую попытку соединить свои судьбы, но они и здесь не воспользовались этой возможностью.

И теперь два озлобленных человека с ненавистью смотрят друг на друга, два одиночества, две неудавшиеся судьбы, и не знают, что делать.

- Ты квартиру мне обещал? – сердито спрашивает она.

- Ну, обещал... как будто это так просто.

- А если непросто, зачем обещал?

Он давно мог сделать ей квартиру, да боялся, что, получив обещанное, она тут же его бросит. Так шли годы.

- Сколько ты квартир продал, а? Думаешь, не знаю, почему тянул? Боялся, что уйду к Петьке. Петька мне три раза предложение делал, а я на тебя надеялась. По-людски хотела жить...

Еще долгих три месяца Иван Иванович уговаривал Тоньку согласиться перейти из коммуналки в его квартиру и узаконить брак, но Тонька была, словно айсберг, и не соглашалась. Так они и расстались. Иван Иванович поменял квартиру на другой район, изредка приезжал посмотреть на Тоньку и на своего сына, который никогда не называл его папой. Был он хилым, но красивым парнем и тоже работал дворником.

Снег... Снег... Снег... Идет, не переставая. Мать и сын метут улицу, а снег плотным слоем ложится снова.

- Сизифов труд, - засмеялся какой-то прохожий.

- Чего? – подозрительно спросила Тонька.

Она вся в снегу, как снежная баба. А рядом ее сын, словно снеговик.

- Вы вот по домам сидите, в тепле, а я тружусь, - ворчит она вслед весельчаку. Тот что-то пытается ей объяснить про выражение «сизифов труд», что это шутка...

- Тоже мне шутники, ходят тут, - кричит ему вслед Тонька.

- Да идите вы к чертям собачьим, - отвечает тот, разозлясь, что его не так поняли.

Наступает утро, в окнах домов зажигают электрический свет. Вжих! Вжих! Вжих! Скребют лопаты. Ленивые, напряженные, как на дискотеку, школьники без головных уборов плетутся в школу. Тонька молча смотрит им вслед. Вжих! Вжих! Вжих!

С темно-серого неба мартовский крупный снег падает, падает... Как будто где-то там высоко обрушилась лавина, и понесло стихию на землю.

В 10 часов утра мать и сын, изрядно уставшие, уходят домой. А еще через час снег плотной стеной повалил опять. И снова появились сугробы, будто вовсе не скребли, не убирали.

МЕЛОМАНКА

Прислонившись ухом к двери, сухая маленькая старушка с жидкими нечесаными волосами, затаив дыхание, слушала, как в соседней комнате поет ее бывшая сноха Ленка.

*«Соловей мой, соловей,
Голосистый, соловей»*

Голос пел то громче, то тише, то несколько раз повторяя одну и ту же фразу. Потом старушка слушала знакомые и незнакомые романсы и старалась повторять слова. Некоторые она знала уже так хорошо, что даже опережала Ленку, чем была очень довольна. Сидя на старом стуле, закрыв глаза, она беззвучно шевелила сухими губами. Особенно ей нравился романс *«Ненаглядный ты мой»*. Почему-то именно этот романс напоминал ей далёкую, давно забытую юность. И кудрявого Мишушофера.

*«Как люблю я ласкать кольца верных кудрей,
Грудь твою прижимать к груди жаркой моей»*

Бабушка вдруг вспомнила, как наматывала когда-то на палец его кудри. Волосы были пышные, шелковые. Любила ли она его? Старушка пыталась представить себя молодой. Она задорно вскинула голову, тряхнула седыми волосами, но, увидев себя в зеркале, на мгновение застыла, мигая подслеповатыми глазами, и отвернулась.

Может, и любила. Ведь целовалась и уединялась с ним по ночам, а когда родился Егорка, Мишка перевелся на другой участок.

- Назови его Егоркой, - крикнул он ей, когда молодая, хорошенькая, смуглая Ася, кутаясь в белый платок, который еще более оттенял её загар (работать приходилось на улице весь день, укладывая асфальт), спросила вдруг: «Как мне дите твое назвать, Миша?»

Он опешил, удивленно посмотрел на ее живот, пошел к своей машине. Ася за ним следом.

- Миш, я ведь тебя не неволю... Как мне ребеночка назвать, а?

Она беспомощно оглянулась на своих товарок. Те не могли сделать вид, что не слышали и начали ему свистеть.

- Мишка, а я как же? - крикнула задорно одна.

- Михаил, а ты, вроде, не женат, а? - выпалила другая.

- Давай, женись теперь! Вишь, у Аськи любовь выпирает! - задиралась третья.

- Ща-а-с! - громко раскатился его голос.

- Ты что, в кусты, да? - разошлись бабы, - эх, ты... Кот мартовский!

Взревел мотор. Мишка сердито надвинул фуражку на лоб. Уехал... Успел только крикнуть:

- Егоркой назови, ежели малец родится!

Сноха пела хорошо. Голос у нее нежный, ласковый, трогательный. Так бы и расцеловала ее, не будь она снохой. Ленка, как поступила в Гнесинское училище, каждый вечер разучивала романсы, арии. Разучивала их и старушка. Ленка фразы учит, и свекровь оттачивает.

*«Ночь тиха, ночь светла,
Не могу я уснуть,
Необъятной мечтой занята...»*

Телефонный звонок! «Черт бы их побрал! Делать им нечего, вот и звонят», - ворчала она. Прошло 15 минут, которые она вообразила антрактом, обижаясь на Ленку и на того, кто звонил, она вспомнила, что за всю жизнь ни разу так и не побывала в консерватории, в Большом театре, и вообще никуда она не ходила. После работы на жаре оставалось время только на то, чтобы поесть и повалиться на кровать. Иной раз и помыться уже не было сил. Мать ее бранила за это, а дочь терпеливо отмалчивалась.

За стеной Ленка сменила ноты.

*«И у меня был край родной, прекрасен он!
Там ель качалась надо мной. Но то был сон...»*

«А ведь у меня тоже был родной», - думала она, вспоминая Сокольники, - двухэтажный деревянный дом, рядом тенистые аллеи парка, карусели.

Только однажды она катала своего Егорку на качелях. Больно дорогое удовольствие... А сынишка бежит рядом, плачет: «Хосю касели, хосю касели!» Потом переехали сюда вот, квартиру дали. «Это хорошо, что первый этаж, к земле ближе», - думала она.

Старушка любила эти часы пения. Ждала их. Как всегда садилась у закрытой двери и ощущала себя, словно в театре. Она даже молодела от этого столь нежного голоса. Ей казалось, будто она на огромных качелях раскачивается, и от удовольствия ее сердце как-то сладко таяло, дышалось легче, вольней, радостней. Жизнь почему-то уже не казалась серой, а светила всеми

красками. Жаль, что это счастье длилось, только когда Ленка пела. Стоило замолкнуть ее волшебному голосу, как всё вставало на свои места. Кастрюли, суета, звонки, подвыпивший сын, перебранки. Егор входил рассерженный, небритый, садился у телевизора. И что Ленка в нем нашла? Она молча слушала полупьяные бредовые замечания, не злобные, скорее обиженные.

- Ты чего молчишь, ма? Скажи ей, чтобы це злилась на меня...

Иногда, разругавшись с Егором, Ленка уезжала к сестре на Таганку, подолгу жила там. Егор был даже рад этому, а мать по утрам с тайной надеждой спрашивала:

- Ленка дома?

- Нет ее...

И сразу становилось уныло на душе.

- Значит, концерта не будет, - говорила она с грустью.

- Вот именно. Хоть отдохнем без нее... Хорошо, что ее нет.

- Ничего хорошего, - думала Ася, - фильмы по телевизору неинтересные, концерты по радио еще, куда ни шло, но ей не хватало именно Ленкиного живого голоса, этих, почти совместных домашних музицирований, к которым она так привыкла. Этот голос заставлял вспоминать прошлое, что долго сидело в старческих закромах памяти. При Егоре Ленка никогда не пела, но едва он уходил, как она тут же открывала дверь в комнату свекрови, быстро говорила: «Я позанимаюсь, ладно? Ничего?» И не дожидаясь ответа, тут же садилась к фортепьяно. А свекровь ставила стул к плотно закрытой двери, радостно ждала первых звуков.

Однажды Ленка собрала свои вещички и, не прощаясь, уехала. Говорят, получила комнату, вышла замуж.

А старушка с той поры затосковала, стала больше курить. Никто не понимал ее тоску. Сын был рад, а матери так не доставало нежного голоса Ленки. Соседка, узнав, что сноха уехала, азартно выговаривала: «Вот и слава Богу! Больше никто не будет серенады выть. А то воеет, воеет, а тебе теперь спокойно будет»

Старушка ничего не отвечала. Она вздыхала и уходила домой искать по радио голос, похожий на Ленкин. Она стыдилась признаться, что очнь скучает без нее. И вот, поди же ты, жили

рядом бок о бок почти семь лет, и только сейчас она поняла, что жизнь без Ленки стала безликой, неинтересной. С горечью Ася начала сознавать, что была к ней несправедлива. Ведь все эти размолвки, ссоры, битая посуда, крики начинались из-за выпивки Егора, его лени и равнодушия. Работал он осветителем в одном из театров, часто оставался на банкеты. Пить не умел. Меры не знал. Домой придет, еле на ногах держится. Матери теперь было стыдно, что она защищала Егора изо всех сил! И даже тайком мстила - отрывала петли на пальто, кидала Ленке в суп крохотные кусочки мыла, по любому поводу срамила ее перед соседями, выносила на их суд все домашние дразги и подробности. Никогда не говорила ей хороших слов, старалась не замечать Ленкиных хлопот по дому. Позже Ленка завела себе хахалю, какого-то болгарина, где-то они снимали квартиру, и вся улица знала об этом. Соседи кидали в лицо Лене всякие грязные слова, срамили, подходя к окну. Ленка и плакала, и сердилась, вступала со старухами в словесную перебранку. Не понимая всей этой войны, Лена только спрашивала у свекрови: «Что вы наговорили им, зачем?»

Свекровь гордо отмалчивалась. От своих соседей она скрывала, что Егор и Ленка давно уже не были мужем и женой и спали в разных комнатах.

- Что вы им наговорили? - не унималась Ленка, - почему они так ненавидят меня?

- Ничего я им не говорила, - отвечала старушка, - ничего.

Она лгала. Ведь иногда, и то сушая правда, ей приходилось несправедливо наговаривать на нее даже то, чего не было и в помине. И теперь она раскаивалась, вспоминая Ленку.

Ну, кто бы мог подумать, что она будет так переживать разлуку со снохой и даже тосковать, не спать ночами. Ныло в груди, и какая-то испрошенная рана терзала ее старое, угрюмое сердце. Как-то так случилось, что у нее в жизни ничего хорошего не было ...

Старушка тяжело вздохнула. Вот уже ровно четыре месяца, как уехала Ленка, она тяжело болела и почти не встает. Вошла дочь, наклонилась над ней, поправила одеяло.

А бедной женщине показалось, что это Ленка! Сердце рванулось и радостно забилося! Сейчас она непременно скажет ей что-то очень хорошее, чего никогда не говорила:

- Леночка, это ты, милая?

- Мать, ты чего, сдурела что ли? Ленка вот уже полгода здесь не живет.

- Забыла я...

- Уехала... Теперь без нее будем жить. Хорошо и спокойно.

«Ничего-то они не понимают», - сердилась старушка.

Смутное чувство, похожее на любовь к Мишке, входило в нее, словно золотой лучик солнца, когда пела Лена. Теперь она не могла больше грезить, мечтать, вспоминать. В душе зияла пустота.

Но однажды Ленка присхала забрать фортепьяно. И тогда Ася упростила ее что-нибудь спеть. Лена отнекивалась, но, увидев молящие глаза своей бывшей свекрови, махнула рукой, села за инструмент и запела:

*«И у меня был край родной, прекрасен он,
Там ель качалась надо мной, но то был сон.
Семья друзей жива была. Со всех сторон
Звучали мне любви слова! Но то был сон...»*

Потом грузчики унесли фортепьяно, и воцарилась тишина... И вдруг странный клокочущий гортанный звук нарушил эту тишину. Сын и дочь бросились в комнату, раздался плач, причитания. На старом диване лежала старушка. На ее изможденном, морщинистом лице светилась лёгкая улыбка. Она ушла в иной мир окрыленная, под музыку Рахманинова.

ТОЛСТЯКИ

Вот уж кто ощущает всю «полноту» жизни, так это толстяки.

А. Рас

Пицца – это не еда, а лекарство.

Гиппократ

Если бы обычные люди смогли влезть в шкуру толстяка, весом эдак под сто пятьдесят килограммов, то они не выдержали бы и дня такой пытки. Потому что мысли и желания никак не совпадают с действиями.

Нужно поднять упавшую вещь, да не тут-то было! Мешает живот, будь он неладен. И так повернёшься, и эдак - все не попад! Приноровишься и сидя на стуле, а если надо, то и, Бог мой, просто лёжа на боку! А то и так бывает: сядешь на стул, а он, окаанный, ломается под тобой в самый неподходящий момент! Так, пока поднимешь эту упавшую вещь - семь потов сойдет...

А вы разве не замечали, как толстяки крепко держат что-либо в своих руках! И вовсе не потому, что жадные, а потому, что всё это связано со страхом: а вдруг упадёт?! Ведь поднимать же придется! А как часто все ломается в их цепких руках...! Что бы вы сделали, если бы хрустнул хрустальный фужер? Ах! Ох! Что это я, с ума сошел? А толстяки? Они и глазом не моргнут! В этом отношении с психикой все в порядке. Они могут проявлять свою изобретательность по поднятию собственной шляпы хоть до вечера - и никакого расстройства! Это нам у них надо учиться спокойно воспринимать все события, проблемы, случайности и не делать из мухи слона.

Эту, некогда хорошенькую, еще молодую женщину восемь лет назад бросил муж. От горестного одиночества и ожидания его возвращения она стала как-то много есть и превратилась в тучу! В эту душную ночь "туча" встала, чтобы попить воды, да и застряла в проеме двери на кухню. Буквально в нескольких сантиметрах от холодильника. И ни туда! И ни сюда! Что бы

сделали вы, будь на её месте? Наверное, кричали бы, звали бы на помощь, а Лиза Чунькина, простояв в неудобной позе около часа и поняв, что ни боком, ни прямо ей не выбраться, повернула и подвинула поближе свой холодильник, открыла дверцу, дотянулась до бутылки с водой, напилась, а еще через полчаса просто взяла и руками сломала дверные косяки, потом упала на пол и стала сипло хохотать, потому что была свободна! Свобода - это уже почти счастье! *«Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе!»* - пела она, тряся от смеха тучными пышными телесами.

Звонок! Телефон в другой комнате, а проём двери угрожающе такой же узкий, как и на кухне. Стоп! Нельзя всё время ошибаться. Дама нашла топор и в два счета снесла косяки. Но телефон, звонивший так долго, замолчал!

- Это он, Сергей! Я это чувствую, - простонала она и не ошиблась, потому что через полчаса звонок повторился.

- Лиза, Лизонька, здравствуй! Это я, Сергей, - послышалось в трубке, - я звоню с вокзала! Я вернулся.

А Лиза плакала и смеялась одновременно и говорила обиженным тоном: «Птенчик мой вернулся, воробышек! Я восемь лет ждала тебя! Я знала! Я верила! Приходи, только скорее, прошу тебя!»

Надо бы предупредить, что с ней произошло, но в такие важные минуты женщины обычно забывают о самом главном. Они молниеносно возвращаются в прошлое и видят себя уже с другой стороны зеркала, с другим мироощущением и готовностью поверить в свое совершенство, каким обладали когда-то. С Сережей они познакомились на занятиях по бальным танцам. Она вспомнила, как прижавшись друг к другу, они легко и беззаветно танцевали. О, как томительно и в какой-то щемящей неге скользили они в вальсе! Как эффектно и непринужденно исполняли фокстрот и танго. А румба! Какое потрясающее чувство, когда его колени прижимались к ней, вызывая восторг и желание. Так они и сблизились. Поженились. Были счастливы. Но однажды он уехал на танцевальный конкурс с новой партнершей, и с тех пор прошло целых восемь лет. Говорят, что у них роман, что съездят по белу свету на гастроли...

Звонок в дверь! Скорее, скорее же! Лиза широко раскрывает двери, бросается в его объятия...и они оба падают на пол....

- Лиза, - простонал Сергей, - боже мой, я не могу тебя сдвинуть... сколько же ты вешишь?

И только тут Лиза вспомнила о своем тучном теле. Кряхтя и пыхтя, она с большим усилием мало-помалу сползла с него. Они поднялись.

- Прости, Сережа, прости, любимый, я забыла предупредить тебя, что немного располнела... то есть, пожалуй, много... даже очень много...

У Сергея было такое выражения лица, как будто он съел сразу три лимона и столкнулся с горой. Он никак не мог поверить в такую метаморфозу и даже зажмурился. "Может, это всего лишь нелепый сон? Какое-нибудь оптическое искажение", - ду-

мал он. Но когда открыл глаза, то снова увидел Лизу с огромным животом, мощными боками и тройным подбородком.

- Боже! Лиза, ты в зеркало давно смотрелась? - спросил он.

- А что, прыщик выскочил? - испугалась Лиза, - дело в том, что все зеркала я разбила... Когда ты уехал, я много плакала, подурнела... и вот... ни одного зеркала...

- Интересно, сколько ты сейчас вешишь?

- Я не знаю, Сережа, весы сломались.

- Ну, хорошо, а где стулья? Куда можно сесть?

- Господи, я совсем забыла все приличия гостеприимства. Это из-за одиночества. Одичала я без тебя... но ты вернулся, и завтра же я куплю новые стулья и новые зеркала, и... - она осеклась, увидев на лице Сергея гримасу.

- Разве ты не навсегда? Передумал? Серезенька, ты не можешь так обойтись со мной. Я тебя слишком люблю... Я молиться готова на тебя... не уходи, завтра мы начнем всё сначала!

Сергей сел на подоконник.

- Знаешь, моя жена умерла, детей нет. Мы все время ссорились, я все время ревновал её, и у нее были любовники. Рестораны, сигареты, наркотики, и вот ее нет... А я все время думал о тебе, правда. Виноват я перед тобой. Сбежал, как трусливый заяц. Ничего не объяснил. И вот я решил вернуться. Я знал, что ты меня очень любишь, но я не знал, что ты такая... ты...

- Толстая? Да, ты прав, но что же теперь? - Лиза вздохнула и зачем-то включила телевизор. Как раз в это время выступал врач-диетолог, некий Петушков, который призывал похудеть в его клинике. Низкий голос врзался в голову: "Это ваш последний шанс! По моей методике результат похудения самый невероятный и эффективный! Если ваша жизнь приобрела привкус отчаяния, если ваша жизнь рушится у вас на глазах и вы не способны покорить любимого человека, если вашим домашним уже нелегко существовать рядом с вами, то я призываю..."

Лиза и Сергей переглянулись.

- Знаешь, Сережа, я, пожалуй, соглашусь на этот эксперимент ради тебя... куда, куда ты??

Лиза бросилась за ним на лестничную площадку. Двери лифта закрылись, и Сергей исчез...

- Серёжа! Я не могу без тебя жить, - крикнула она насколько можно громче, - слышишь, я тебя люблю...!

"Блю- блю- блю..." - отозвалось гулкое эхо. Лифт затих. Были слышны шаги уходящего Сергея. Вот хлопнула парадная дверь. А Лиза долго еще стояла и прислушивалась, не вернётся ли, не одумается ли. Но нет... ушел, снова ушел...

А в это же самое время в другой квартире, в другом районе Москвы у открытого окна стояло, стонало и рыкало, словно зверь, попавший в капкан, большое толстое тело мужчины. Он смотрел на луну, которая катила свои полные бёдра по холодному ночному небу и ей были безразличны страдания людей.

- Я умираю... мне нечем дышать... Жанна! Подойди... - он лёг, ожидая появления супруги.

- Толстая скотина, - раздался сонный голос женщины, - чего тебе неймётся?

- Позови моих детей, я хочу с ними проститься...

- Пусть спят, чего ради им вставать среди ночи?

- Я говорю, что умираю, а ты и слышать не хочешь моей последней воли...

- Ты каждую ночь собираешься умирать, - проворчала жена.

Послышались скрипы половицы. Жанна медленно вошла в комнату мужа, держа в обеих руках тяжелую гирю. Она подняла ее над головой мужчины, тихо и как-то отрешенно произнесла, словно приговор: - Семён, если ты произнесешь еще хоть слово, этот дамоклов меч упадёт тебе на голову... Умирай молча.

В комнате стало необыкновенно тихо. Лишь через несколько минут, когда Жанна ушла, послышалось обиженное сопение, всхлипы, а чуть позже раздался мощный могучий храп!

Луна осветила широкую кровать, скомканные простыни, огромного, как слона, сорокапятилетнего мужчину, затем пробралась в детскую, где спали такие же толстенькие мальчишки-подростки.

Жанна вздохнула, заткнула уши ватой, но уснуть уже не смогла. "Это соседка, Наталья Георгиевна, вдолбила мне, - думала она, - выходи замуж! Это шичего, что толстый, зато добрый ласковый, смешной, воспитанный, умный. Скучать це

будешь... Да, первые пять лет так и было! Потом все приелось, надоело, опротивело!"

Работал Семён главным поваром в ресторане, поэтому вечные переживания привели к тому, что он стал еще полнее...

«Боже, дай мне терпения»

У Жанны навернулись слезы, и она беззвучно заплакала. Ее худенькие плечи вздрагивали и беспомощно прижимались к подушке.

Потом она встала, вышла в гостиную и включила телевизор. Низкий голос доктора Петушкова говорил о методике правильного питания, о своей клинике, которая за девять месяцев обещала помочь всем толстякам: «Это последний шанс! Я помогу вам обрести гармонию в семье» Жанна записала телефон клиники на зеркале губной помадой, выпила снотворное и поплелась в спальню...

- Сашенька! Мальчик мой, манюня, пора вставать. Сейчас мы оденемся, умоемся, побреемся, нас ждет институт! Сашенька! - сладко сюсюкала пышногрудая мамаша над своим сыном - студентом двадцати лет.

- Я тебе уже уточку запекла с яблочками, и оладушки уже готовы с творогом! Ой, - сказала она, принюхиваясь, - молоко убежало! - и поспешно исчезла.

Александр открыл глаза. Только что он видел во сне квартирантку Таю.

Ох, хороша же она! Поселилась она у них совсем недавно, но уже успела завоевать сердце Саши. Тая быстро это заметила и наедине кокетничала с ним и повторяла голосом его мамы: "Сашенька, манюня моя, съешь еще кусочек. Ну, подумаешь, еще один подбородочек вырастет!" И заливалась нежным колокольчиковым смехом и шипала его за щеки. Этот невинный жест для Саши казался эротическим удовольствием и блаженством. В своих юношеских мечтах он много раз обладал ею.

- Чему ты улыбаешься, Сашенька, а? Скажи!

- Не скажу... Это тайна...

- Ах, тайна... Как интересно... - и они весело смеялись.

Тая была на двенадцать лет старше и уже понимала в обольщении все тонкости и видела, что это приносит ему удовольст-

вие, но дальше пустого кокетства она не заходила, боясь его мамы. Занимала она у них две комнаты, исправно платила вперёд за проживание и еду. У нее были заказы, странные телефонные звонки, какие-то важные дамы, которые крутились перед зеркалом и придирчиво разглядывали каждый шов.

А Саша изучал юриспруденцию в университете, обладал широким кругозором, прекрасной памятью, много читал. Тая вошла в его сердце. Он решил сделать ей предложение именно сегодня за завтраком. Он подавил в себе волнение, посмотрел на Таю долгим взглядом.

- Тая... я вас люблю... и хочу жещиться, - пролепетал он, когда мама вышла. Тая закашлялась, потом тихонько засмеялась.

- А маму ты спросил?

- Нет, я серьёзно. Ты согласна? - и он встал, подошел к ней, приподнял ее со стула, хотел поцеловать, но Тая отшатнулась от него.

- Ты что, с ума сошел? - она вдруг разозлилась, - придумал тоже, ишь ты, толстячок-боровичок! - она швырнула салфетку на стол.

- Но я люблю тебя, Тая! - отчаянно воскликнул Саша.

- Вот и люби себе потихоньку, а мне об этом говорить не стоит. Я никогда, никогда не выйду за тебя, слышишь?

- Но почему?

- Что ты возомнил о себе! Чтобы я с тобой?! Нет! Нет!

Саша бросился в свою комнату и там заперся. Он остановился перед зеркалом.

- Я толстяк! Значит человек с проблемой. Это все равно, что калека или тупица, - подумал он с ужасом. Его душили слезы, хотелось кричать, кричать до изнеможения! Нет, он просто уйдет из жизни. Без Таи она ничего не значит...

Когда сломали дверь в его комнату, то увидели его лежащим на полу, с обрывком верёвки на шее. Веревка не выдержала тяжести его тела и оборвалась. Мама упала в обморок, а Тае пришлось вызвать скорую помощь.

- Сашенька... зачем ты это сделал, маленький мой! - прошептала она, очнувшись, - это из-за неё, из-за Таи? Что вы ему говорили? Что?!

Саша кричал и бился в истерике.

- Она мне отказала! Я ее люблю!

- Ах, даже так... Ах, ты, змея! Вон из нашего дома!

- Не смей так разговаривать с Таяй, - еще больше кричал Саша, - она ни в чем не виновата! Я хотел сделать ей предложение, а она мне отказала! И правильно! Кому я нужен?

Мать накапала успокоительные капли, сбиваясь со счета, и, забыв, что они для сына, высила сама.

- Сашенька, ну только подумай, кто ты и кто она? Ты будущий адвокат, а она простая швея какая-то! А у тебя будущее, работа, диссертации, деньги! У тебя есть я, а больше нам никто не нужен...

Рыдания вдруг прекратились, и мать увидела чужое, искаженное лицо сына, она невольно вскрикнула и присела на стул.

- Ненавижу! - закричал Саша, - во что ты превратила мою жизнь? Ты соткала этот мирок из тарелок и ложек! Из пирожков и омлетов! А я узник собственного желудка! Я толстяк! - Саша склонил над матерью красное неузнаваемое лицо. - Ты не способна понять, что есть другая жизнь, в которой живет Тая! Ведь кроме еды есть взросление, привязанности, выбор, искания, любовь, наконец! Никогда ты не говорила, что существуют другие взгляды на людей! Я не научился переживать неудачи, у меня их никогда не было! Дом этот - моя тюрьма, а ты, - он показал пальцем на мать, - ты начальница моей тюрьмы! Ненавижу!

Сельда Измаиловна побежала снова за лекарством для Саши, накапала валерианки...

- Семь... восемь, восемь... десять, - лихорадочно шептала она, Господи, да что же это за наказание!

- Сельда Измаиловна! Скорая приехала! - крикнула Тая.

- Вот... очень хорошо... ему окажут первую помощь, помогут привести его в нормальное, спокойное чувство, приобрести равновесие... дадут лекарств, и мой Сашенька снова будет как прежде, - говорила она своему отражению в зеркале.

С лекарством направилась в комнату Саши, но ее туда не пустили. Потом Сашу повели к машине, и Сельда Измаиловна пошла следом.

- Вам лучше остаться дома, - строго отчеканил доктор, - суицид может повториться, если вы не измените свое отношение к сыну.

- Послушайте... мой мальчик, он...

- Он уже не мальчик, он мужчина, - перебил ее доктор.

- Но я же...

- Он должен научиться переживать свои невзгоды сам, без вас, - снова перебил доктор, - вы всеми силами хотите оградить его от окружающего мира? Отпихнуть все эмоции? Естество? Подавлять их нельзя, слышите? Пусть он влюбляется, страдает, разочаровывается, злится! Это жизнь! Его жизнь! Если вы этого не поймете, то потеряете его навсегда! Он слишком умен, чтобы верить, что так же хорош для других, как и для вас!

Доктор стремительно вышел, показывая всем видом свое нерасположение к даме, которая не понимала, в чем ее обвиняют.

Вечером состоялся разговор с Таей. У Таи уже были собраны чемоданы и аккуратно запечатаны коробки. Увидев мать Саши, она растерянно произнесла, - Вот, собираю вещи... Но уверяю вас, Сельда Измаиловна, моей вины здесь нет. Я просто сказала, что не люблю его!

- Зачем вы так сказали?

- А затем, что у меня есть выбор. Личное право, - Тая говорила тихо, но убедительно, - я не обязана отвечать на его чувства. Их нет. Хотя... если бы он не был толстяком, я, может быть, и подумала бы... правда, у нас большая разница в возрасте. Шутка ли - двенадцать лет?

- Любовь не считается с возрастом, Таечка, - Сельда Измаиловна вздохнула, под села поближе и, опустив глаза, четко произнесла, - Тая... простите меня за вспыльчивость и за все, что я наговорила. Не держите на меня зла, хорошо?

- Да чего уж там? Я принимаю ваши извинения. На этом и простимся, - Тая встала, взяла чемоданы.

- Я как раз хотела вас просить не уезжать, - Сельда Измаиловна заплакала, - по крайней мере, до возвращения Саши из больницы... прошу вас, Тая, оставайтесь.

Тая поставила чемоданы на пол, прошла к окну, чтобы задернуть шторы, но не задернула, а невольно залюбовалась лунной.

- Ах, какая луна, смотрите!

Сельда Измаиловна вытерла слезы, подошла тоже к окну.

- Сегодня душная ночь, - сказала она, - спокойной ночи...

Тая не ответила. Смутное чувство вины тревожило и её. Возможно, эти невинные шутки с ее стороны оказались роковыми для парня. Очевидно, психология толстяков другая, такая же, как у всех ущемлённых людей. Обычные люди, к сожалению, не замечают этого... жаль... надо бы считаться.

Тая посмотрела на несчастную женщину, которая всеми силами старалась внушить своему мальчику, что он не только равный со всеми, но и лучше. Старалась оградить его от всего плохого. А вот как вышло. Этой женщине было невдомёк, что дети растут гораздо быстрее, чем они думают. В этом и была ее ошибка....

- А не включить ли нам телевизор? - Тая поискала передачи и наткнулась на доктора Петушкова.

- Вы только подумайте, - говорил голос, - в нашей клинике вы будете есть и в то же время худеть. Интереснейший эксперимент науки! Через девять месяцев вы не узнаете себя.

- Неужели, правда? - Сельда Измаиловна покачала головой.

- Думаю, что это просто реклама по добыванию денег, - режюмировала Тая, - не стоит бросать деньги на ветер. Давайте лучше посмотрим концерт или фильм. Все равно уснуть вряд ли придется...

- Нет, нет. Я хочу послушать этого доктора до конца. Почему-то я ему верю. Он очень искренно, убедительно говорит, - возразила Сельда Измаиловна.

- Ну что ж! Давайте слушать этого обманщика Петушкова, - Тая улыбнулась и откинулась на спинку кресла...

Шурочка влюбилась в своего отчима, как только он появился в их доме. Тогда ей было только пятнадцать, но из-за своей полноты она выглядела намного старше. Через два года ее мама умерла во время родов, свою сестренку девочка воспитывала с отчимом, как собственную дочь. Везде их принимали за супружескую пару, и Шурочке это даже нравилось. Отчим не одобрял ее полноты, частенько называл ее нерадивой толстухой.

Шура плакала от отчаяния и любви к нему. Однажды она увидела его с незнакомой женщиной и поняла, что может потерять его. Вот тогда-то и пришла мысль женить его на себе. Но как? Томные, грустные взгляды, которые Шурочка бросала ему, он прищип за болезнью.

- По-моему, ты больна! Отойди от сестренки, еще заразишь.

Совал ей подмышку градусник, давал какие-то пилюли и непонимающе разводил руками.

- Симулянтка ты, толстуха! Просто в школу идти не хочешь? Так и скажи!

- А ты ничего не замечаешь? - кокетничала Шура, вытянув накрашенные губы.

- Накрасилась!

- Маминой помадой... и ресницы... тоже.

- Вот дуреха! У помады срок годности один год, ясно?

Он поискал косметичку и всё выбросил. - Не надо тебе краситься, еще хуже стала!

- Ну, да... Так я тебе и поверила... Я вся в маму. Глаза и губы и волосы волнистые, как у мамы.

- Ну, скажешь тоже! Мама твоя была ангел и красавица и не толстая, как ты.

Он взял фотографию и долго всматривался. Его лицо стало нежно-грустным.

- Брошу все и уеду, слышишь, толстуха?

- Слышу.

- Одна останешься с младенцем... А ты ничего толком не умеешь... пропадешь ведь...

- Угу... Пропаду! Не бросай нас, это подло... это нехорошо... так нельзя! Ну, как же ты бросишь своего ребенка? Мама бы не простила тебе это.

- Не простила бы... это точно, - он заплакал.

- А ты выпей, выпей, - сказала Шура и принесла из комнаты бутылку рома. Шура налила ром, вздохнула и положила обе руки ему на голову.

- Если тебе женщина нужна... я-то на что?

- С ума сошла...

- Обними меня, а?

- Да ну тебя!

Мне через неделю семнадцать... Я тебя любить буду. И она стала его обнимать совсем по-взрослому, словно всегда это делала.

- Я тебя давно люблю, Зиновий... Я без тебя, наверное, умру...

Зиновий сначала отшучивался, делал Шура рожи, пил ром, а потом оказался с ней в одной постели. Сначала просто спихнул ее с кровати, потом настороженно уговаривал уйти в свою комнату, но Шура не сдавалась. Она все время беспрерывно ласкала его, показывая всем видом свое упрямство, и добилась-таки своего. Она сидела в ванной, смывала с простыней кровь, бледная и усталая.

- Ты меня поранил, - испуганно бормотала она.

- Дурочка, это плева разорвалась от близости с мужчиной. Так у всех бывает в первый раз.

- У мамы моей тоже?

Зиновий улыбнулся, отобрал простыню, швырнул её в ванну.

- У твоей мамы тоже... но не со мной правда, но так бывает у всех.

- Что теперь будет?

- Ничего не будет.

- А дети? Я хочу ребеночка от тебя...

- Отчим вздохнул и включил телевизор.

- Да выключи ты этот ящик! Ты теперь любишь меня? Да?

Скажи?

- Нет, не люблю. Я любил твою мать, очень любил...

- Мамы больше нет!

- Да. Но остались ее вещи, фотографии, ее дыхание, образ...

С какой тоской слушала Шура его монолог. Ее детский инфантильный разум воспринимал еще не все. Но осознанно она чувствовала, что ее мать во сто крат лучше ее. Но ведь она частичка ее. Но вместе с тем рождались непонятная боль и тревога, и новые ощущения, и новые открытия самой себя. Кто она сейчас? Падчерица? Любовница? Жена? И почему она ревнует и к кому? К родной матери!? Как сложно во всем разобраться. Она четко сознавала свою несостоятельность, неумение трезво оценить ситуацию, и, вместе с тем, она осторожно искала выход. Как слепой котенок училась жить и понимать.

Днем они всецело были поглощены малюткой, но с наступлением ночи, будто кто подменял Шуру, и теперь, перед тем как пойти к нему, она долго рассматривала себя в зеркале и брезгливо морщилась.

"Чем меньше он будет меня видеть такой, тем лучше для нас обоих, - решила она. - В спальне должен быть полный мрак, и только голос и ласки должны иметь силу. Не могу же я все время умолять его о близости"

И она не обманулась. Зиновий стал более нежным с ней. Ему нравился ее голос, взволнованный шепот и ее гладкая молодая кожа. К тому же она называла его теми же ласковыми словами, которые произносила еще недавно его жена.

- Откуда ты знаешь эти слова, - допытывался он.

- Меня мама так частенько пазывала, - соврала она, хотя на самом деле она в свое время подсматривала и подслушивала все любовные утехы и ласки своей матери.

- Ты гадкая девочка, - не раз говорила ей мать, - Нельзя это делать. Когда ты вырастешь, ты выйдешь замуж и станешь заниматься ласками, то поймешь, как нехорошо, если кто-то будет наблюдать за вами, понимаешь? Ты должна обещать мне, что это было в последний раз! Слышишь?

Шура обещала, но каждый вечер торчала за дверью. Тогда было решено давать ей сонные порошки. Недели две Шурочка, ничего не подозревавшая, сетовала на свою сонливость, пока не убедилась своими глазами, как мать бросает ей в чай какие-то порошки и таблетки.

- Выпей, доченька! Ну, выпей же!

- Мама, я выпью позже, перед сном...

- Знаю я тебя.

- Но мне хочется немного почитать, - и она раскрывала книгу. Но едва мать выходила за дверь, Шура выливали чай за окно и притворялась спящей.

А мать, убедившись, что ее дочь спит, спешила к мужу, чувствовала себя раскрепощенное, сексуальнее, смелее. Она и не подозревала о существующей дыре в стене, на которой висела какая-то безделушка. А девочка училась премудростям любви, и, конечно, Зиновий был немало удивлен ее обширными познаниями в этой области.

- Откуда?- изумлялся он.

- Из книг, мой колокольчик, - лгала Шура.

Зиновий уже не раз отмечал, что голоса дочери и матери были удивительно похожи, и это сходство волновало его и очень нравилось. Но иногда он чувствовал, что просто пойман в сети. Он жалел себя и плакал от унижения, что его, взрослого мужчину, ловко обманула девочка. Ребенок. Малышка. Шурочка, с которой он никогда не пойдет ни в театр, ни в консерваторию, ни в гости.

А Шурочка тем временем боролась со своим весом, глотая таблетки для похудения, терзала себя гимнастическими упражнениями, взвешивалась на весах и, не видя результатов, редела. В один из таких вечеров она увидела по телевизору доктора Петушкова.

Ночью она сказала о своем намерении лечь в клинику, ради того, чтобы он когда-нибудь ее полюбил. Было решено найти на девять месяцев няню для малышки, продать пианино и драгоценности мамы. Шура тихо плакала, слезы текли по пухлым щекам. Зиновий не утешал ее. Лишь отвернувшись, ждал, когда она, наконец, уйдет.

Шура сжала в клинику в городском автобусе. Было тесно, ее все время толкали.

- Да подвиньтесь же, тетенька, - сердился какой-то мужчина в шляпе.

- Какая я вам тетенька! Мне - семнадцать лет, - возразила Шура

- Да, всем нам когда-то было семнадцать, - засмеялся старичок в панамах, - Было да сплыло!

- Ну, ты и корова, - взвыл от боли молоденький студент, когда Шура наступила ему на ногу.

- Извините, - прошептала Шура сквозь слезы, пробираясь к выходу, хотя ей и не надо было выходить, но она решила ехать в такси.

Какая-то старушка посоветовала не ездить автобусом:

- Вы же пол-автобуса заняли!

Под презрительный хохот Шура покинула автобус, остановила такси, но влезть в салон ей не удалось. Шофер попробовал впихнуть ее сзади, но Шура попросила не хватать её руками.

- Да иди-ка ты знаешь куда!?! - ругнулся шофер, - чуть дверь не сломала!

- Подвезите до клиники! - попросила она водителя грузовика.

- Да я же корову везу в ветлечебницу...

- Это ничего, - лепетала несчастная Шура, - я хорошо заплачу,

- Дело хозяйское! Веревку видишь? Хватайся за нее, - деловито командовал он, открывая задний борт, служивший помостом, где стояли две клетки, одна с рыжей коровой, другая пустая.

Ехала Шура, стоя, держась обеими руками за железные прутья, а напротив стояла рыжая телка с огромными грустными глазами, и смотрела на девушку.

- Приехали, Буренка! Вылезай! Борт открывать не буду, еще оштрафуют, так что сигай так...

Несколько минут Шура возилась за бортом, налегла на него и шлепнулась. Плача и смеясь, протянула деньги шоферу.

Тот повертел деньги в руках и засунул ей в лифчик. Потом свистнул и уехал, обдавая Шуру дорожной пылью. Шурочка несколько минут поплакала от боли и унижения и поплелась в клинику.

В клинике было тихо и прохладно. На удивление, двери оказались достаточно широкие, так же, как и лифт, и кресла. Кругом кондиционеры, цветы. Войдя в холл, она увидела нескольких грузных людей - друзей по несчастью, и ей стало спокойнее. Вздохнув, Шура опустилась в кресло, достала зеркальце, которое треснуло при падении из грузовика, припудрила заплаканное лицо и огляделась. Рядом с ней сидел непомерной толщины мужчина высокого роста с несчастным выражением лица. Он обмахивался шляпой.

- Скажите, а вы как сюда добирались? Тоже на грузовике?

- Еще хуже. Через весь город меня тащили на самодельной телеге. Все думали, что везут слона, - мужчина запыхтел и заплакал, - я такого наслушался от прохожих, до сих пор дрожь берёт.

- Я тоже, - уныло пролепетала Шура, - наверное, ни одно животное не вызывает столько злобы, сколько мы...

- Дело дрянь, а между тем, у меня есть руки, ноги, голова и ум... Я думаю, что я все-таки человек, а?

- Вы не должны в этом сомневаться, - с ужасом прошептала Шура.

Когда она вошла в кабинет, ее встретили очень любезно три сестры. Одна из них записывала данные: семнадцать лет, вес сто двадцать килограммов, рост метр шестьдесят, талия... цвет волос... характер...

Другая принимала деньги, а третья подписывала контракт. Особо зачитали последний пункт, в котором значилось следующее: «В любом случае, как бы ни продолжалось лечение и чтобы ни произошло, методику похудения обязуюсь не останавливать»

Потом с Шурой работал психолог, долго выслушивал девушку, ее проблемы, интересы.

Когда все формальности были закончены, толстяки стали ждать доктора Петушкова.

Шура вздохнула и достала из сумочки еду, но та же любезная медсестра с улыбкой сказала:

- С сего часа все пациенты поступают в распоряжение особого питания, основанного на изобретении доктора Петушкова, - она мило протянула к Шуре руку, - позвольте...

Курица, несколько яиц, две булочки и молоко исчезли, а вместо этого ей дали воды в большом красивом стакане.

- У нас тоже все отобрали, - простонал толстяк, похожий на слона и нервно засмеялся.

Вошел доктор Петушков. Он был настолько худ, что невольно вызвал у всех толстяков немое сочувствие. Лицо его было вытянуто, резко обозначенные скулы придавали лицу жесткую непримиримую серьезность и деловитую холодность. Глубоко посаженные глаза были строги и презрительны.

- Здравствуйте! Я профессор Петушков... Иван Иванович. С сегодняшнего дня Вы поступаете в личное мое распоряжение и под наблюдение. Моя клиника "Последний шанс" работает по особенной программе. За девять месяцев мы обязуемся сократить ваши килограммы до минимума. Программа основана на

диетологии без таблеток, без операций, без изнурительного голодания. Вы будете получать свои любимые лакомства...

- Даже мои любимые пирожки с печенкой? - спросил "слон".

- Конечно, голубчик! - радостно произнес профессор, - вы будете получать их каждое воскресенье! А вот в остальные дни - калории! В клинике нет телевизоров, радио, но есть ежедневные лекции, музыкальная терапия, спортивное оснащение, тренеры, вечерние моционы, велосипеды, бассейн, душ, танцевальный зал, танцы.

- Это еще зачем? - перебил доктора "слон".

- А я умею танцевать! - вставила слово и Лиза, - честное слово!

- Этого не может быть! - "Слон" засмеялся, - "шары" не танцуют, они катаются...

Лиза растерялась.

- А вы... слон!

- А вы - шар! Шар... и всё тут. *"Крутится, вертится шар голубой"*, - запел он.

- Зачем вы меня оскорбляете? Я прошу оградить меня от оскорблений.

- Что вы? Никакого оскорбления здесь я не вижу! - улыбнулся профессор, - когда вы отсюда выйдете, то будете вспоминать об этом с улыбкой. Ведь эти клички не будут соответствовать вашему облику. А пока советую не обижаться, так как при любой обиде организм получает стресс. Кровь на время останавливается. Происходит нечто напоминающее столбняк. Стресс - рождение новых болезней. Обида рождает злость, а злоба ведет к агрессии.

То и другое вызывает в крови токсины под названием аностаты, а вам нужны другие, положительные чувства, милые слова, улыбки, юмор, восхищение, внимание, заинтересованность, увлечение, любовь - все то, что вызывает счастье. А счастье - это витамины, выработанные самим человеком. Это зврика! Это чудо! Это волшебство!

- Позвольте, а как же гнев, досада, разочарование? Мы ведь не куклы? - возразил Саша, - разве нам не нужны человеческие переживания, страдания...

- Это к вам не относится, - четко произнес профессор, а вот когда вы станете людьми, то...

- Выходит, что мы нелюди?!

- Да! Да! И еще раз да, - засмеялся доктор Петушков, - вы сами это сказали, лишив меня возможности, резюмировать этот факт вашего печального существования.

Все загалдели, обескураженно переглядываясь, а профессор, казалось, забавлялся этой паузой, вглядываясь в лица толстяков и, словно ожидая, с кем бы еще поспорить.

- С сегодняшнего дня вы должны забыть, что такое недовольство, стресс. Ведь именно стресс заставляет съесть лишнее и делать необдуманные поступки! Стресс - это ненормально. Долой стресс - страстно закричал доктор, да так призывающе, что все соскочили с мест и тоже закричали:

- Долой стресс!

У доктора выражение лица вновь стало непроницаемым. В это время открылась дверь, вошли медсестры с подносами, на которых лежали какие-то тюбики.

- Это дневной рацион, на весь день. В этом маленьком тюбике имеется всё, что нужно. Весь жизненно-важный состав! Приступайте! - доктор поклонился и сказал, что придет завтра в это же время, а пока в их распоряжении отдельные палаты, читальный зал, великолепный сад, телефон. Он вышел. Проглотив страшный обед, все бросились по своим палатам к телефонам.

- Жашна! Ради бога, пришли мне курочку и хлеба с мало-сольными огурцами, - кричал в трубку "слон", - и, пожалуйста, пирожков с печеню!

- Мама! У меня все хорошо! Прошу... прости меня... нет, я виноват... Ничего не нужно... Тая... Таечка, до моего возвращения ничего не предпринимай... Я идиот! Останемся друзьями! Здесь еда, как у космонавтов, в тюбиках... Ну, хорошо, пришлите мне мороженое, ну и конфет, и много тортов!

- Мой любимый! Как сестричка? Как же я буду без тебя целых девять месяцев, свидания запрещены! Няечка не злая? Привези мне сала, кефир, пряников, сгущенки и селедки! Спасибо, мой колокольчик! - Шурочка повесила трубку и тяжело вздохнула.

Лизе тоже хотелось позвонить Сергею, но она не знала его телефона, поэтому никуда не звонила. Ей очень хотелось поплакать, но, вспомнив слова профессора, что стресс выколачивает из крови все витамины и вызывает сердцебиение, она стала себя успокаивать, улыбаться, искусственно вызывать смех.

А в это время врачи хохотали в своем кабинете над просьбами пациентов и незамедлительно перезванивали родным с жестким требованием не вникать в просьбы, так как все разговоры подслушиваются и записываются на магнитофонную ленту.

Толстяки недоумевали и разводили руками. Так прошел месяц. Весь следующий месяц с толстяками работал психолог, умеющий убеждать своих пациентов в чем угодно. То они целыми часами созерцали себя в зеркале и убеждались, что такое тело некрасиво, то сладко мечтали о том дне, когда они станут стройными, хотя чаще думали о жареном картофеле, ветчине и пирожных.

А доктор Петушков ждал бунта!

- Не пора ли снять у них эмоциональное желание и в малых дозах начать давать любимые кушанья, - говорил его коллега Петр Петрович Курочкин.

- Нет, дождемся общего бунта! Этакой холостяцкой революции, и тогда... мы отправим их в клетки для зверей!

- Вы серьезно? - Курочкин разинул рот.

- Конечно, - кивнул Петушков, - видите ли, коллега... мечта сбывается через усилия, через жертву. У толстяков наших прекратился прирост веса, это хорошо! Но вес еще более замедлится, если их немного осчастливить, ведь каждый из них уже достоин похвалы!

- Не понимаю, - пожал плечами Курочкин, - зачем мы должны искусственно создавать им счастье?

- А затем, чтобы потом они научились его добывать. Счастливые мгновения не приходят сами по себе. Надо работать!

В каком-то оцепенении доктора ждали накала страстей, но напрасно! Ничего не происходило.

- Безобразие! Как они вяло сетуют! Как мыши. Они слишком пассивны! В чем же дело? - Петушков хватался за голову, нервничал, рычал и ждал бунта!

Курочкин носился по всем палатам, вынюхивая - не пахнет ли революцией, подсматривал, подслушивал, взвешивал могучие тела, но никто еще не сбросил ни грамма!

- Какие терпеливые меланхолики! Проклятые стоики! - рвал на себе волосы Петушков, - если этот период затянется, мы не успеем к сроку выпустить весь накопившийся хлам из этих желудков! Подумать только, как они дорожат им! Этим помойным ведром, этим огромным камнем, что торчит в животе! Нужны физические нагрузки, которые выбьют их жировые драгоценности! Но мы не можем их заставлять, надо, чтобы они сами захотели, понимаете?

- Кажется, я придумал, - закричал Курочкин.

Прошла неделя и все наши толстяки получили письма от родных, в которых они прочитали приговор. От них отказались... Началась паника, истерика.

- Ура! Наконец-то, - торжествовал Петушков, - они в панике! Они в трансе! Главное, чтобы это не было затяжным процессом!

- Так, - потирал он от удовольствия руки, - свистать всех наверх!

Началась паника. Толстяки наперебой стали жаловаться, рыдать, кричать, проситься домой, требовали адвоката, требовали совета, каждый пытался объяснить свое ужасное состояние.

И всю эту чехарду прервал голос Петушкова.

- Я знаю, как вам помочь!

Воцарилась мгновенно тишина, умоляющие глаза устремились на доктора.

- У вас возникла проблема. Причем, одна на всех! Но давайте смело взглянем ей в лицо и скажем: «Я не боюсь тебя, проблема! Я тебя одолею! Я тебя уничтожу!»

К удовольствию докторов, пациенты сначала вяло, но с каждым разом все дружнее, тверже и решительнее начали повторять за доктором слова.

- У вас возникла угроза одиночества, - продолжал Петушков, - Но оглянитесь! Разве вы одни? Давайте хоть на миг встанем на место тех, кто вас покинул в такой сложный трудный час. Взгляните на себя их глазами! Что вы видите? Толстого, обиженного человека. Но кем обиженного? Да собой! Разве нужен

вашей жене мужчина, который никогда не возьмет свою жену на руки? - обратился доктор к слону.

- А вы, такая юная и толстая будете все время выпрашивать любовь? Он все равно сбежит от вас, - говорил он Шуре.

- Или вы, Саша, мечтаете о любви с таким животом! Ведь вы просите руку и сердце у прекраснейшей женщины!

- А вы, Лиза, хотите танцевать, ведь так? Он ведь вернулся... а как вы будете танцевать с таким животом, с такой фигурой?! Вы хотите, чтобы все умерли от смеха?!

Доктор вдруг захохотал сардоническим смехом и, чем больше он хохотал, тем злее становились глаза пациентов, тем больше разгорался в них огонь желания что-то изменить... Они уже готовы были броситься даже в драку с доктором, но тот резко оборвал смех и вовремя, потому что Саша схватил стул и замахнулся уже...

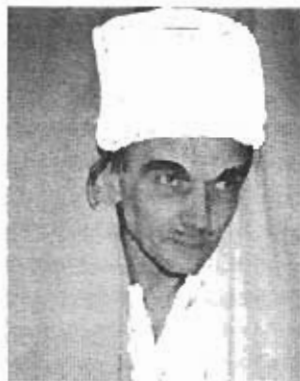
- Я знаю, как вам помочь, - сказал доктор, отбирая стул у Саши, и театрально открыл суконный занавес.

И все увидели спортивные снаряды и вопросительно посмотрели на него.

- Вот ваше спасение! Ведь, как я уже говорил, стресс очень вреден, но от него можно избавиться на этой беговой дорожке. Час занятий, и стресс исчезнет. Приступайте! Кто первый? - спросил он, но оторопевшая толпа безмолвно взирала на спортивные снаряды, и никто не двигался с места.

И напрасно доктор Курочкин и доктор Петушков носились по беговой дорожке, призывая присоединиться толстяков, то к брусьям, то к шведской стенке, то к коню!

- Оп-па! Оп-па! - задорно кричали они, взбираясь по канату к самому потолку, при этом показывали рожи и тоненькими голосами кричали, - ку-ку! А потом, раззадорившись, делали кульбиты, прыгали через скакалку, умирая от усталости, рухнули на пол.

- Держу пари! Первой начнет Шурочка, - сказал Петушков, тяжело дыша.

- Нет, коллега, первой будет Лиза, - возразил Курочкин.

Они заключили пари и пожали друг другу потные, дрожащие руки.

И только через полчаса в полном тишине раздался желанный голос Лизы:

- Вряд ли у меня получится, но я попробую.

- Что я говорил, - прошептал Курочкин, - вы проиграли, профессор.

- Поздравляю, - протянул Петушков руку Курочкину и крепко ее пожал. Вы делаете успехи, и я очень рад! - он поднял голову. На его лице сияла улыбка благодарности к Лизе. И, несмотря на усталость, он вскочил и галантно подал ей руку.

- Лизонька, вы ангел-спаситель, вы чудо, - шептал он ей.

Лиза криво улыбнулась, не веря его словам, жалобно оглядываясь на своих толстяков, взобралась на дорожку, неуклюже пошла по ней. Огромная, унылая, тучная - она, казалось, вот-вот растопчет беговую дорожку, которая медленно поплыла под ней.

Довольный доктор подбадривал ее, называл крошкой, перси-ком, посылая ей воздушные поцелуи.

- Огурчик-Лизонька, а? - кивал он безмолвной толпе, указывая на нее. Он был благодарен судьбе, что именно женщина вызвалась первой на этот эксперимент. Ведь мужчине теперь легче согласиться проделать то же самое!

Весь час Лиза, переваливаясь из стороны в сторону, как утка-кряква, ковыляла по спортивной дорожке и весь этот час за ней наблюдали остальные, но ступить на снаряд больше никто не решился. Изможденная женщина тяжело дышала, у нее отвисала челюсть, плетями висели руки, зато в глазах появился странный блеск. Пот ручьем катился по ее подбородкам.

- Я смогла! Я сделала это, - шептала она и победно попыталась поднять руку, но уже не смогла.

Курочкин подхватил руку и вскинул ее вверх. На вечернем сеансе психотерапии доктор торжественно вручил Лизе приз - огромное яблоко, которое в считанные секунды было съедено

при всех под завистливые взгляды толстяков, которые беспрерывно глотали слюну.

- Кто хочет тоже получить яблоко? - спросил Петушков и сделал вид, что полез в корзину за яблоками.

- Я хочу! Я тоже! И мне! - кричали все, протягивая свои толстые руки.

- Хорошо, вы получите яблоки после тренировки, завтра в шесть утра.

Наутро все пришли в спортивный зал. Петушков радостно записывал что-то в тетрадь. Началась новая полоса в жизни толстяков, и уже через два месяца все делали успехи, получая фрукты. Результат ошеломляющий! Каждый сбросил по двадцать килограммов, но вид, к сожалению, все еще оставался прежним. «Как же усилить желание записаться с удовольствием, серотонин сделает чудо», - размышлял Петушков. Он велел поварам приготовить гриль из кур.

«С утра мы переходим на новый этап лечения! - записал он в своем дневнике. - Это последний бой»

Саша проснулся оттого, что почувствовал свежий воздух и утреннюю прохладу. Он попытался натянуть на себя одеяло... но одеяла не оказалось... Он хотел поправить подушку, но и ее не было на месте... Хотел взять с тумбочки часы, чтобы посмотреть который час - ни тумбочки, ни часов. Он открыл глаза. Где-то там под кожей на голове пробежал холодок.

- Что такое? Где я? - закричал он, озираясь, - что происходит, а?

На его зов появились два человека в черных халатах. И только тут Саша понял, что он находится в клетке! Да, именно в клетке, каких достаточно он насмотрелся в зоопарке.

- Сегодня что, карнавал? День неожиданностей? Сюрприз? - спросил Саша, немного успокаиваясь, разглядывая людей в черных халатах. Они были в масках. Самых обыкновенных новогодних масках с мишурой.

Саша хотел подойти к ним и неожиданно понял, что он совсем голый, даже без нижнего белья!

- Черт! Где моя одежда? Принесите мою одежду! И откройте, наконец, эту... клетку!

- Эта клетка замурована, двери в ней нет! - ответили маски.

- Как это нет двери? Где же она?

- С сегодняшнего дня все пациенты переходят на новый этап лечения. Все будут жить в клетках, пока не сбросят сорок или пятьдесят килограммов.

- Повторите, пожалуйста, что вы сказали? - попросил Саша, плохо соображая.

Люди в черных халатах повторили, затем подали довольно объемное письмо от докторов Петушкова и Курочкина, которые пояснили, что теперь пациенты будут получать все, что захотят. Далее следовал длинный список, который гласил, что за всё они должны платить трудом. Список был весьма забавным. Например, если кто пожелает компот или мороженое, то вслед за названием стояла странная цена - 18 приседаний. За книги из библиотеки - 100 прыжков на левой ноге!

Согнувшись в три погибели и ёжась от утренней прохлады, Саша изучал ценник. Стояли первые дни сентября, в воздухе запахло чем-то вкусным.

- Это что, шашлыки жарят? - спросил обескураженный Саша.

- Это гриль. Вы можете его получить, - объяснили ему.

- Да? Ну, так несите, - обрадовался Саша.

- Хорошо. Гриль из цыпленка. Цена - пятьдесят упражнений «Березка», - прочитала маска, та, что повыше.

- Пятьдесят ... чего? - не понял Саша, глотая слюну.

- Упражнений «Березка», - засмеялась маска, та, что пониже.

Саша недоуменно посмотрел.

- Но я никогда раньше не делал такое упражнение.

- Придется научиться, - маски нехотя поплелись в сад.

- Позвольте, а если я захочу жить в штанах, то какая им цена?

- Любая одежда стоит тридцать приседаний, тридцать прыжков, тридцать наклонов, - маски снова заглянули в свой журнал, - стояние на голове десять минут.

- А вам не кажется, что это слишком?! - заорал Саша, - немедленно позовите сюда доктора Петушкова или Курочкина!

- С сегодняшнего дня вы будете с ними только переписываться. Вот бумага и ручка. Пишите, просите, ругайтесь, угрожайте... шу, а как насчет гриля?

Саша швырнул бумагу в сторону.

- Гриль, - простонал он.

- Пятьдесят «Березок»! - в тон ему простонали маски.

Саша повалился на спину, но как он ни старался, ничего не выходило. Наконец, он кое-как смог поднять ноги и через четверть часа бесполезной возни, каким-то образом, через чудовищные усилия, истекая потом и солью, попытался сделать свои «Березки» с помощью «масок».

- Шесть... Семь, - хором считали доктора, - восемь...

Когда через час, изможденный, запыхавшийся от усилий, голый пациент, проклиная все на свете, дошел до пятидесяти, раздалась одобрительные возгласы и крики – ура!

Заиграла торжественная музыка, и на огромном подносе повар внес добытый такими невероятными усилиями небольшой кусочек цыпленка! От него исходил вожденный аромат... этот аромат дразнил... манил... очаровывал.

Тяжело дыша, Саша принял этот поднос, как награду на чемпионате мира, добытую нечеловеческими усилиями. Забыв про одежду, про своих друзей по несчастью, про Таю, он изо дня в день совершал то, чего никогда не делал и довольно скоро все эти упражнения начали получаться!

К великой радости Саши, тело вдруг стало подвижным, легким, проворным. Он уже мог часами ходить по беговой дорожке, которую установили, неизвестно когда (иногда в пищу подсыпали снотворное). Он уже довольно сносно прыгал через коня, раскачиваясь на брусках, научился стоять на голове при помощи все тех же постоянных помощников в черных халатах.

Словом, правду говорят, что и слона можно научить кататься на коньках! Но вот еще один важный момент: Саша стал писать любовную лирику, и во всех стихах неизменно стоял образ Таи.

*Если мне не суждено стать суженым тебе,
Я стану утренним лучом в твоём окне,
Я ласточкой к тебе впрорну, я соловьем пою,
Далекой маленькой звездой я для тебя горю!*

*Я - даль. Я - облако. Маяк. Колодец я - иди, напейся!
Я позабыть себя не дам... И не надейся...*

Со своими друзьями он переписывался и получал письма. "Слон" оказался на редкость словоохотливым и остроумным человеком.

«Поднимаю штангу, - писал он, - как спичку»

Лиза-шар жаловалась, что помощники в черных халатах, которых она учит бальным ташсам, ужасно бестолковые, «отдавили мне все ноги, но что делать? Приходится терпеть, других партнёров нет»

А Шурочка открыла в себе способность к языкам и учит сразу три: итальянский, французский и японский. «У меня сразу три педагога, и с ними мы играем в театр»

Когда еще через пять месяцев встретились все толстяки для взвешивания на весах, то все они были настолько удивлены переменой в телесах, что первое время не могли даже слова вымолвить друг другу, а только восторженно рассматривали друг друга.

- Смотрите-ка! Да ведь это шар-Лиза!- воскликнул Саша.

- Да, это я, - смущенно лепетала Лиза, втягивая живот, - что, есть изменения?

- Лиза? Неужели это та самая, что напоминала нам шар? - воскликнул "слон".

- Ну да... - еще больше смутилась Лиза.

- Лиза, я в вас влюбился, - застонал Семён, - боже, какое чудо! Какая она хорошенькая!

- Семен, не трудитесь! Мое сердце занято, но я тоже должна отметить, что выглядите вы потрясающе, - закричала она, - какие бицепсы, можно потрогать? И, схватив его чуть выше локтя, восторженно ахнула, - атлет!

- А это наша крошка Шурочка? Да она, оказывается, молоденькая совсем!

- Мне уже восемнадцать! Сегодня у меня день рождения! - торжественно произнесла Шурочка.

- Поистине, рождение нового тела, - заметил "слон".

- Поздравляем! - загаддели все толстяки, - желаем счастья!

А Саша поцеловал Шурочке руку. Он тоже выглядел стройнее, моложе и красивее.

Лиза потащила всех к зеркалу, и они впервые за полгода увидели себя со стороны и даже себе понравились. Впервые, они смотрели на себя без отвращения, без вины, без недовольства.

- Здравствуй, Лиза! - сказала Лиза своему отражению, - так вот ты, оказывается, какая! Разрешите пригласить вас на танец! Она стала танцевать вальс, попутно ухватив "слона", который к удивлению Лизы, оказался весьма просвещенным в бальных танцах, и, уже не останавливаясь, они танцевали под собственный аккомпанемент танго, джайф, румбу, квик-степ и фокстрот.

- Я не ожидала, Семен, что вы танцуете, и совсем неплохо, должна сказать, - удивилась она.

- Находясь в уединении, я вспоминал все, что знал в юности. Я ведь пять лет танцевал в школе...

Глядя на танцующую пару, Шурочка мечтательно сказала:

- Как я мечтаю тоже научиться танцевать.

Лиза и "Слон" остановились.

- Завтра я даю первое занятие, еще есть время, у нас впереди целый месяц... Ежедневные занятия, плюс самостоятельное время для заучивания, и Вы, Шура, будете танцевать хоть и не всю программу, зато необходимые: танго, вальс, фокстрот, - деловито сказала Лиза.

Все заплодировали. В зал вошли доктор Курочкин, профессор Петушков.

- Здравствуйте, друзья мои! - он оглядел пациентов так, как скульптор придирчиво смотрит на свою работу, - поистине рад! Мы так давно не виделись с вами, давайте же обнимемся, - предложил он, и все бросились к нему и его помощнику и превратились в одно целое. Бывают в жизни такие минуты счастья, когда одна радость, добытая в бою, принадлежит сразу всем. Лиза даже прослезилась. Да что Лиза! Плакали от счастья все, даже доктора.

- А теперь позвольте зачитать ваши данные о весе, - вытирая слезы, сказал Петушков и достал блокнот.

- Потрясающие данные, похвально! Все вы потеряли лишние килограммы. Лиза – пятьдесят девять килограммов, Шурочка – сорок, Саша – тридцать два, а наш Семен сбросил семьдесят килограммов!

После общего ликования доктор Курочкин поднял руку. Все замолкли.

- Конечно, вы превзошли сами себя, но должен напомнить, что это только половина того, что было. Остальное вам ничего не будет стоить! Назад пути нет. Ваша поджелудочная железа вылечилась и уже сама справляется с нагрузкой. С этого дня вас не будут больше держать в клетках, унижительное осталось позади! Вы пересилили себя и заставили свое тело подчиняться! Теперь вы короли и королевы над своим телом! Приказывайте ему и никогда, ни на один день, ни на один час, ни на одну минуту не отдавайте своего трона этим слугам, имя которого - желудок... С этой минуты я ввожу новые отношения в нашей клинике. Отныне все будут называть вас «ваше величество», потому что вы - герои!

- Ура!- закричали все, да столь неистово, что под потолком взорвалась лампочка и посыпались стёкла. Все разбежались, схватившись за руки в другом конце зала, засмеялись, а Шурочка почувствовала, как Саша крепко держал ее за талию. Он радостно и открыто смотрел ей прямо в глаза.

- Завтра первое занятие балльных танцев, - смущенно говорил он, - мне нужна партнерша.

Шурочка никогда в жизни не танцевала даже дома, даже шутя. Ей и не снилось, что однажды она начнет заниматься танцами! Наверное, это будет безобразно и смешно. Впрочем, смогла же она, замурованная в клетке, научиться за кусочек торта и ложку сгущенки проделывать кульбиты, прыгать, лазать через ограждения и даже делать мостик. А здесь нужно только скользить тихо, думать о движениях и держать осанку.

- Я, конечно, непротив, но если ты хоть раз назовешь меня толстухой, я откажусь, идет?

- Шурочка! Вы плохо меня знаете. Я открою вам страшную тайну, я хорошо воспитан, - он, шутя, шлёпнул ладонью об ее ладонь, - значит, договорились!

В это время доктор Петушков махал рукой присутствующим со сцены.

- Теперь, мои дорогие, вы можете заниматься упражнениями самостоятельно! Я вам доверяю! - кричал он.

- Спасибо! - дружно ответили пациенты.

- В столовой вы также будете проявлять грамотную самостоятельность в выборе меню. Еще раз напоминаю вам, насколько важно правильно соединять продукты. Насколько важно есть продукты с низким гликемическим уровнем, с содержанием ценных витаминов, поэтому, друзья мои, забудьте, что однажды в Россию завезли картофель, свеклу, морковь; это пища не для толстяков, не для тех, у кого слабая поджелудочная железа и, вообще, она должна быть приспособлена только для скота! И хотя научились люди делать аппетитные блюда из этих продуктов, мы забудем их! Что говорил Гиппократ о пище, а?

- Пища - это не еда, а лекарство, - хором прокричали все присутствующие.

- Да! Еще раз да! Пища нужна нам для поддержания жизни, - продолжал Петушков, - избыточные килограммы – это неизрасходованная энергия, следовательно, есть только две причины полноты – это избыток пищи и недостаток физических нагрузок, третьей причины нет.

Все зааплодировали, но раззадоренный Петушков, отмахиваясь от аплодисментов, делая нарочито недовольное лицо, продолжал, - откажитесь от плохого питания, пройдите мимо Макдональдса, закройте глаза на чипсы, пирожные, слышите, Шурочка, это касается Вас, потому что...

- Качать доктора Петушкова! - крикнул Саша и первым бросился к сцене. За ним ринулись остальные. Они схватили доктора, а тот, не обращая внимания, продолжал неистово свою ежедневную лекцию:

- Любите сыр и грибы, не пропускайте прием пищи, иначе в вашем организме тут же начинают образовываться накопительные мешки – складки.

- Раз! Два! - кричали все, - да здравствует профессор!

Профессор взлетел вверх, растопыря свои худые руки в разные стороны, издавая при этом гортанный хриплый испуганный

звук, но, приземлившись, он продолжал, - долой гликемию¹, эту сладкую дрянь, бяку!

- Три! Четыре! - скандировали толстяки, и снова худенькое тело взметнулось, дергая ногами, и взъерошенный пиджак сморщился, его полы растопырились, словно крылья!

- Долой булимию²! Долой дисморфию³!

Но уже никто не слушал его, раздался хохот. Шурочка обняла доктора и впилась поцелуем в его губы. Профессор и тут ничего не понял, как только он освободился от поцелуя, снова стал выкрикивать лозунги, призывы, нацутствия...

Уже было ощущение идиосинкразии⁴, надоедливости, словно кто-то всовывал прямо в рот эту «демянову уху», которая уже не переварится в желудке.

- Довольно! Хватит! - крикнула Лиза, - Надоело, в конце концов!

Воцарилась неожиданная тишина, словно все куда-то убежали, и, среди этой тишины, послышалось хихиканье Петушкова.

- Что? Что такое? Не нравится так много слов? Ха-ха! Ваши уже грамотные мозги насытились? Ну, так вот и наш драгоценный сундучок – желудок - не желает, чтобы вы открывали его без всякой надобности и пичкали его до отказа всякой всячиной... Он ведь не железный, может не только растянуться, но и сломаться.

Все это профессор закончил тихо, вполголоса, потом спокойно оглядел всех победным взглядом и по-молодецки крикнул.

- Я победил!!! Я буду богатым, у нас будут клиенты, мы уже получили массу предложений от граждан нашей страны и иностранцев.

И пошел танцевать, отбивать каблуками, чеканить степ, при этом он страстно прищелкивал языком, отбивая ритм. Изумлен-

¹ Гликемия - повышенное содержание сахара в крови;

² Булимия – повышенный аппетит после пропуска пищи;

³ Дисморфобия - отвращение к своей фигуре;

⁴ Идиосинкразия - сильное неприятие к чему-либо.

ные пациенты разразились бурными аплодисментами за его психологический подход и за прекрасное исполнение степа.

А еще через два месяца приключилась невидальщина, на глазах толстяки становились стройными, похорошевшими. Это было чудо! По этому поводу они устроили вечер танцев. На этот вечер были приглашены все родственники, жены, дети. Это было первое свидание с родными, и Петушков признался всем пациентам, что «студовищное» дело с письмами – его личная инициатива.

“Слон” подошел к своей смущенной жене и на глазах у всех взял ее на руки. Присутствующие зааплодировали.

- Жанна! Я смог поднять тебя! - кричал он и закружил ее.

Дети бросились к нему, подпрыгивая, обнимая его, - Папочка! Милый! - Жанна плакала и не могла говорить... Наконец произнесла, улыбаясь:

- Семен, прости меня, не сердись, я ведь так часто обижала тебя.

- Что ты? Что ты, Жанна, да разве можно было терпеть меня?

Саша стоял с Тасей и его мамой. Тая гладила по щеке Сашу, а он жмурился от удовольствия и каждый раз спрашивал, - Ты правда выйдешь за меня? Скажи еще раз!

- Да! Да! Я согласна, Сашенька!

- Надеюсь, вы подружились с мамой?

- Теперь готовить буду я, - сказала Тая, - по системе доктора Петушкова. Вот его книга «Ешьте и худейте». Да что говорить, ведь мы теперь все будем питаться по этой системе!

А Шурочка обнимала своего Зиновия и малышку сестренку, улыбалась и плакала

- Скажи, что ты меня не бросишь.

- Нет, Шурочка, брошу, потому что я стар для тебя! Я как увидел тебя, то просто постыдился, что соблазнил тебя...

- Зиновий, во-первых, это я соблазнила тебя! Потому что ты моя первая любовь. Сейчас мне 18, тебе 38. Ты вовсе для меня не старый. А потом у нас ребенок общий и еще будут, надеюсь...

И только Лиза смотрела на всех грустными глазами. Белокурые волосы в милом пучке, как у балерины, бальное платье розового цвета так красиво оттеняло ее стройность. Округлые оголенные плечи сложной кости манили мужские взгляды. Она поднялась и пошла одна в сад, села у искусственного фонтанчика. Мимо прошел какой-то мужчина.

- Здравствуйте, - сказал он, проходя мимо, - мне нужна Лиза Чунькина.

- Лиза Чунькина - это я, - ответила она, не глядя на него. - А что?

Но он уже ушел в зал, откуда раздавался веселым гулом, где накрывали на стол. Лиза побежала следом. Догнала мужчину, дотронулась до его плеча.

- Это вы ищете Лизу?

- Да. Где же она?

Лиза молчала нарочно. Он же должен ее узнать. Так долго она мечтала о нем, и каждый раз он выскальзывал из ее рук. Кто знает, как удержать мужчину, тот счастлив. Лиза до смешного была не изобретательна. И тени не было хитрости.

- Где же она? - Сергей все время вертел головой по сторонам. Пышные хризантемы, дрожали в руках.

- Чунькина умерла, - почему-то сказала Лиза, - Сергей, ну неужели ты меня не узнаешь!

Сергея посмотрел на женщину более внимательно и хлопнул себя по лбу.

- Лиза! Я осел!

- Конечно, осел! - согласилась Лиза.

Заиграла музыка, и они закружились в танце. Совсем как раньше. Вокруг стояли люди и смотрели на них зачарованно, с умилением. Это был медленный вальс. Такой медленный, что казалось, остановилось время, чтобы продлить счастливое мгновение...

Затем доктора объявили, что все пациенты вернутся домой только после адаптации, которая продлится десять дней. Десять дней прошли, и все неожиданно изменилось...

По приказу профессора весь персонал клиники готовился устроить рождественский ужин в честь экс-толстяков!

По этому случаю, медсестры Наседкина и Кукарекина разослали приглашения родственникам пациентов, а няни Квочкина и Яйцева поместили на стенд фотографии, где они были изображены «до» и «после» лечения. Горничные Перышкина и Пухова принесли из подвала каштелябры и свечи, елочные игрушки, белоснежные новые скатерти и вазы для цветов. Ох-

ранники Крылышкин и Гребешков установили пушистую елку, сторож Квохтунькин развешивал гирлянды и мурлыкал песенку про елочку. Что касается главного повара Ножкибушинского, то он готовил особое меню. Словом, все были заняты.

Только наши пациенты пребывали в каком-то странном оцепенении. Несколько раз было замечено, что они все вместе собирались то в холле, то в зимнем саду. Их загадочные лица мелькали в зеркалах танцевального зала, потом их видели на сцене. Похоже, что они готовили спектакль.

Доктор Петушков несколько раз пытался выяснить их психологический настрой, но каждый раз при его появлении пациенты замолкали и, ссылаясь на занятость, исчезали из его поля зрения.

- Держу пари, что они готовят нам серьезный сюрприз, - шептал он коллеге Курочкину, - только не пойму – что именно.

- Их часто видели в актовом зале, готовят номер самодеятельности, очевидно, хотя я не видел в руках у них ни текстов, ни театральных реквизитов, - заметил доктор Курочкин.

- Вот именно, - Петушков загадочно перешел на шепот, - ну жели....

- Что? - так же шепотом спросил Курочкин.

- Нет, нет! Ничего!

- Вы же что-то подумали?

- Это... Я не могу пока ничего сказать... мысль не оформилась... лучше проследите за ними и мне доложите, - приказал Петушков.

Курочкин тут же ушел, а Петушков о чем-то задумался, перелистывая старые записи дневников.

Курочкин пошел искать загадочных бывших толстяков, но нигде их не нашел. Озабоченно стоял он на лестнице, поджидая их, но прошло около часа - никого...

Через некоторое время начали появляться родственники, а главных виновников торжества нигде не было. Зал наполнялся родственниками и персоналом очень быстро.

- Что будем делать, профессор? - у Курочкина были испуганные глаза.

- Положем немного еще и ... вызовем милицию, - пробурчал Петушков.

- Скажите, пожалуйста, когда же мы увидим Сашеньку, - спрашивала пышногрудая дама, - что произошло? Вот уже час мы тут торчим. Отдайте нам Сашу! Где он?

- Успокойтесь, они готовят всем сюрприз, - улыбался доктор Курочкин.

- У нас мацельский ребенок, - нельзя ли побыстрее, - допытывался Зиновий, - и потом наша цыня работает по часам.

- Я и мои мальчишки просто не дождемся, когда же вы начнете? Нельзя же так долго! Это невыносимо!

Петушков нехотя вышел на сцену, чтобы сообщить о странном исчезновении пациентов.

В это время принесли письмо. Лихорадочно разорвав конверт, профессор пробежал по тексту глазами и рассмеялся.

- Внимание, уважаемые гости, просим всех к столу!

Обескураженные гости прошли в столовую, сели за столы, и только тут появились, наконец, Семен с Лизой, Саша с Шурочкой.

Увидев их, таких похудевших, красивых, все словно языки проглотили. Наконец, гости обрели дар речи, одобрительно стали высказываться, хвалить клинику, раздались аплодисменты, радостные возгласы.

- Что в письме? - спросил Курочкин у Петушкова.

- Они только что поженились, - глупо улыбаясь, произнес профессор, - сюрприз, так сказать.

- И Семен? Он ведь женат!

- Нет, жена подала на развод, как только он прибыл сюда. Но, похоже, она раскаивается... Видите, как восторженно смотрит на него?

- Не только она! Вон тот красавчик - танцор, Сергей, кажется, он тоже.

- А Шурочкин отчим сейчас съест ее глазами, уж точно!

- Выходит, что они пришли на свадьбу?

- Выходит, что мы с вами - сводники, - доктор Курочкин сделал круглые глаза.

- Выходит, - хохотнул Петушков и взял слово.

О СЕБЕ

Я родилась в сибирском шахтерском городке с красивым названием Анжеро-Судженск, что на реке Яя.

Мама - домохозяйка. Папа - шахтер. Дед Волошин Иван Ио-

сифович попал в Сибирь с Украины, раскулаченный. С ним были еще земляки Савченко, Костины из украинской деревни Ивановка Уманьского уезда, Черкасской области. Они жили недалеко от анжерской станции. Мой отец в 30-е годы попал в детский дом, а оттуда ушел на войну. Он воевал в

Венгрии, был контужен, попал в плен к фашистам. Поскольку паренек он был деревенский, то его взяли на сельхозработы, а после войны он поехал искать отца в Сибирь, устроился работать пожарным и там познакомился с моей мамой. Голубоглазая бойкая девушка играла на гитаре, пела украинские песни и умела танцевать. Однажды папа сказал ей:

«Нюра, я из-за тебя голову потерял, спать не могу! Что мне делать?» Мама рассмеялась, спела какую-то частушку.

- Придется жениться! - сказала она. Так они и поженились. Мой отец сразу решил дом свой поставить, поэтому пошел добывать уголь.

Когда я пошла в четвертый класс, мы справили новоселье. Большой белый дом стоял на бугре, на зеленой улице с веселой

тропинкой, и мы очень гордились им. После ветхой хибары наш новый дом казался мне настоящим дворцом, а мы с сестренкой Ташей были словно две маленькие принцессы.

Вскоре наш Анжеро-Судженск стал городом. Жителям запретили держать коров, и мама долго плакала, прежде чем отвести нашу Зорьку на бойню; теперь молоко мы покупали в магазине, но у нас остались куры, свиньи, огромный огород и сад. Когда приходила весна, расцветали черемуха, сирень, расцветала наша старая яблоня белым облаком, дед Иван смотрел на яблоню и плакал, вспоминая свою Украину.

- Дед, дед, ты чего плачешь? - спрашивала я.
- Хочу на Родину, вот и плачу.
- А что такое Родина?
- Это где ты родился и жил...
- Значит, моя Родина здесь...
- А кровь-то в тебе украинская, - сказал он и запел:

*Дывлюсь я на небо,
Тай думку гадаю,
Чому я не сокил,
Чому не летаю...*

Мой дед много читал, потом приучил к чтению и меня. У деда были огромные усищи, которые он постоянно подкручивал, он носил широкие шаровары и рубаху, расшитую крестиком, курил махорку, азартно играл в карты, в его доме в большой

банке жили пиявки, которыми нас пугали, если мы не слушались. А вообще-то пиявками лечились.

У деда была астма, и он все время жутко кашлял. Сколько себя помню, дед был недоверчив. Когда я училась в шестом классе, мое первое стихотворение напечатали в Анжерской газете "Борьба за уголь", и дед долго не мог поверить, что это я написала, и все ходил за мной, заставляя при нем писать, то про яблоню, то про Украину. Я тогда по заказу не умела еще писать, поэтому очень сердилась, особенно когда у меня ничего не получалось. Как я теперь понимаю, очевидно, он просто разыгрывал меня, дружески дразнил, так как обладал большим чувством юмора, как и все украинцы.

Мой первый учитель - поэт Николай Теплов. Мягкий, милый человек с задушевной улыбкой, он учил меня законам поэзии.

Мои стихи все чаще появлялись в печати Анжеро-Судженска и Кемерово. По субботам мимо нашего дома все жители округа и переулков направлялись в баню. Это был, чуть ли не священный ритуал, когда все собирались в одном месте, заводили в очереди свои разговоры, носили с собой веники, тазы, а домой шли в полотенчатых чалмах. Дед брал меня с собой до 6 лет в

баню. Мне нравилось, как быстро он со мной расправлялся. Мыл он меня так: клал на лавку, намыливал ветошкой прямо с головой с двух сторон, затем обкатывал водой, и я бежала одеваться. У мамы этот процесс обычно занимал почти час.

Позже, у выхода из бани дед стоял с газетой, поджидал соседей и гордо читал им мои стихи.

- Оца в нашего Макса пошла, - говорил он, - великий поэт! Его вся Европа знает!

- Да кто ж такой-то?

- Да Волошин Максимилиан. Поэт, художник, все языки знал! Во Франции жил.

- Не знаем такого.

- Да как же!

- Не знаем, и все тут!

Тогда, помню, мы все в городе библиотеки обходили в поисках стихов Волошина, но не нашли, и я уже было подумала, что дед все про него выдумывает. Мы не знали, что многие поэты были запрещены. Часто дед читал мне вслух Гоголя. Особенно страшно становилось, когда "Вия" читали. У меня даже волосы от корней подымались дыбом. В 70-м году дед уехал во Фрунзе и там умер от астмы в возрасте 85 лет.

Веселая наша улица летом превращалась в игровую площадку. Игрушек у нас, детей, почти не было, зато мы играли в мяч, догонялки, чикку, свайку, теннис и театр. В нашем городском Доме пионеров я пела в хоре, и там мы ставили детские оперы. До сих пор с благодарностью я вспоминаю дирижера Сорокина.

Н.Е. и баяниста Молокова В.П.

Жизнь наполнялась настоящим творчеством.

Моя первая работа началась в школе, куда я устроилась пионервожатой.

Когда отец пошел на пенсию, родители продали дом и уехали на Украину. Я поступила в Новосибирское Культпросветучилище на театральный факультет к режиссеру Зое Николаевне Риттер. Вспоминаю часто незабываемые дни учебы.

Зоя Николаевна была нам всем и другом, и наставником, и

нашей мамой. Сколько нового, интересного, потрясающего было за эти три года. Я играла роли Сережи Каренина из романа Толстого, Ларисы из «Бесприданницы», Изабеллы из «Анджело» Пушкина, даже роль ангела из пьесы Исидора Штока «Божественная комедия» и чёрта из рассказа Максима Горького.

Вскоре у меня появилась дочка Элина. Я поселилась с ней в общежитии, затем папа забрал внучку в Умань, а я училась в институте Культуры, вышла замуж и переехала жить в Москву. В Москве работала режиссером в Измайловском

парке, затем в домах детского творчества. В 1994 году стала победителем конкурса "Учитель года". Меня наградили путевкой в

город Хосту.

Там я впервые в жизни увидела магнолии, пальмы, самшитовый лес, кипарисы. Прелестный уголок тишины!

Каждое лето мы с Элиной отдыхали у моего папы в Умани и в деревне Ивановка. Кто не бывал в Умани, тот не знает какой шедевр - парк там находится. Этот парк называется «Софиевка».

Этот райский уголок в античном стиле привлекает сюда тысячи туристов и считается "чудом света".

Представляете, там даже есть подземная река Стикс, и в крошечной темноте и жуткой тишине мы с замиранием сердца плыли под землей, а античный Харон в тунике управлял веслами.

Но мое любимое место - это грот Венеры. Там тихо и прохладно. Журчит вода и навевает покой и замыслы моих сказок. Ведь именно там я задумала легенды о реках Енисее,

Лене, Оби, Амуре, Яе.

В музее имени Дарвина я частый гость. Когда молодые ученые проводят праздники воды, то приглашают меня рассказать одну из легенд. Вот недавно я рассказывала о реке Северная Двина.

Театр стал для меня моей жизнью, моей отдушиной. Работаю с детьми, руковожу, репетирую с ними, учу своих воспитанников, а главное - сама играю. Очень привыкаю к детям, люблю их. Жаль, что приходится с ними расставаться. Это тяжело, поверьте.

Люблю из самого бесперспективного, с тихим голосом, который

"зажат" и шагу нормально шагнуть не может, слепить, как из глины, актера. Потом долго хвалю себя за это. В настоящее время мои воспитанники стали дипломантами конкурса чтецов. Я выступаю и как

певица. У меня прекрасный педагог по вокалу, кроме того, занимаюсь индийскими танцами, а в свободное время мы с дочерью рисуем. С внучкой Женечкой часто ходим в театр, катаемся на санках в Покровско-Стрешневском парке, где я поблизости живу; этот парк я просто боготворю.

Как-то мой дед Волошин сказал, что я очень маленького росточка вышла.

- Что же ты меня подводишь, - смеялся он, - это род Панченко все испортил. Вот Макс Волошин, тот огромный был, кучерявый, большой и толстый. Мельчает народ оттого, что на смотрины нас не берут. Сами женятся...

Дед измерил меня, на косяке зарубку сделал, да дальше этой

зарубки в 17 лет я и не поднялась: метр и 50 сантиметров; так и осталась. На сцену я надеваю туфли с каблуком в десять сантиметров, делаю высокую прическу, длинное платье, и никому в голову не приходит, что я такая маленькая. Но ведь рост - это не самое главное в жизни?

Актриса Янина Жеймо, которая сыграла Золушку, тоже маленькая. Кстати, она моя любимая актриса, я ей всегда подражала и довольно часто меня невольно сравнивают с ней. Это очень приятно! Вот, для примера, сравните наши фотографии.

В моей жизни много интересов и жить мне тоже очень интересно. Я люблю жизнь!

Люблю парк Покровско-Стрешнево, возле

которого я живу. Обожаю петь, фотографировать, читать стихи Максимилиана Волошина, многие знаю наизусть и читаю их со сцены. Когда есть время, я мастерю игрушки для своей внучки. О чем я мечтаю? О своей квартире, побывать в Коктебеле, хотела бы создать свое фото-ателье, выпустить альбом песен, ну и, конечно, встретить хорошего человека. Еще хотелось бы больше выступать на сцене. Мой девиз жизни: "Не бежать впереди паровоза". Это не только опасно. Это глупо. Сибирская равномерность, украинская смешливость, это все во мне.

В настоящее время мы с дочерью начали снимать фильм по мотивам моих сказок. Будем участвовать в конкурсе. А теперь, дорогие мои читатели, если вам захочется поделиться своими впечатлениями, пожеланиями, наконец, рассказами о своей жизни, то пишите мне в *Москву, 125171, до востребования*. Возможно, по вашим рассказам я напишу маленькие повести. Ведь сюжеты берутся из жизни, не правда ли?

С уважением, Валентина Волошина

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ГДЕ ЖИВЕТ ДЕТСТВО</i>	3
УТРО	5
БАРЫНИ В "КАРЕТЕ"	8
СУНДУК, ОТКРОЙСЯ!	13
КАК ЗАЯЦ ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛ	15
КРАСАВИЦА	18
<i>ЛЕГЕНДЫ О РЕКАХ</i>	25
ДВЕ СЕСТРЫ	26
ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР	29
ЧУНИ ДЛЯ ЕНИСЕЯ	35
КРЫЛЬЯ АМУРА	42
МАКУТКИ	49
ГОРБУНЬЯ	57
<i>РАССКАЗЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ</i>	66
СУД ИДЕТ	67
РАЕЧКА	82
СИЗИФОВ ТРУД	88
МЕЛОМАНКА	94
ТОЛСТЯКИ	100
О СЕБЕ	135

100 P

ВАЛЕНТИНА ВОЛОШИНА

СУНДУК ОТКРОЙСЯ!

Главный редактор Н.П. Плевако

Редактор В. Богданов
Литературный редактор и корректор
И. Горюнова
Корректор И. Чакрыгина
Рисунки В. Волошиной

Сдано в набор 10 января 2006 г.
Подписано в печать 20 января 2006 г.
Формат 60x84/16
Объем 9 усл. печ. л.
Тираж 500 экз. Печать офсетная.
Бумага офсетная
Заказ № 242.

Отпечатано в ГУП МО "Коломенская типография"
140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а

Издатель – ООО "ФЕНИКС ПЛЮС"
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

У моей мамы сто увлечений!
И когда она успеваеет?!
дочь Элина

Я люблю читать бабушкины
сказки... внучка Женя.

Сольный концерт
в Доме Учителя

У памятника А.С. Пушкина
я постоянный гость, читаю
его стихи 6 июня.